

18+

СВЕТЛАНА
ЗОЛОТЕНКОВА

Алафей

ГРОМ В ТЕНИ

Светлана Золотенкова
Алафей. Гром в тени

«Издательские решения»

Золотенкова С.

Алафей. Гром в тени / С. Золотенкова — «Издательские решения»,

В мире Алафея, где переплетаются судьбы воинов, дев, вестников и неупокоенных душ, разворачивается драматическая история о любви, предательстве, самопожертвовании и борьбе за свободу. Желая спасти сестру от нежеланного замужества, Главная героиня — Алана принимает судьбоносное решение и становится девой воина Грома. По мере развития сюжета она открывает в себе способности призывать ветер и оказывается втянута в жестокое противостояние. Удастся ли Алане выжить и принять свою судьбу девы Грома...?

© Золотенкова С.

© Издательские решения

Содержание

Несколько десятилетий назад	7
1 Много лет спустя	10
2	19
3	25
4	33
5	40
6	46
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алафей Гром в тени

Светлана Золотенкова

Редактор Юлия Ременец

© Светлана Золотенкова, 2026

ISBN 978-5-0070-1928-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда-то существовал забытый нами мир, где люди жили в согласии и почитали своих божеств. Боги с интересом наблюдали за радостями собственного творения. Боги принимали обличье людей, существовали среди них, однако создателям не дано было понять истинной ценности короткой человеческой жизни.

Со временем люди освоили земли, основали королевства. Каждое почитало своего бога, возвышая его перед остальными. У одних богов это вызывало восторг, а у других — гнев, но все они защищали жизни тех, кто им поклонялся. На протяжении веков боги оберегали этот

многообразный человеческий мир, поддерживая в нем хрупкий порядок. Но мир, который мы никогда не знали, не видели и уже не сможем наблюдать, был обречен в тот момент, когда бог пожелал стать человеком.

Несколько десятилетий назад

В темных коридорах богатого королевского зала раздавалась музыка. Стража, едва скрывая напряжение, услужливо открывала двери вновь прибывшим в большой тронный зал, где проходило празднование. Главные королевские мужи наперебой громко высказывали пожелания и воспевали подвиги воинов Огня, то и дело поднимая наполненные доверху кубки, расплескивая вино. Король настороженно сидел во главе стола, время от времени бросая озабоченный взгляд на стражников. Слуги спешно кружили по залу, следя за тем, чтобы на столах не было пустого места от угощений.

Придворные дамы щедро одаривали всех своими улыбками, украдкой поглядывая на принцессу, а она старалась держаться так, как и требовал статус, но ее лица не покидало волнение. Все заботливо смотрели на нее и умилялись. Гости наивно полагали, что тревоги принцессы были связаны лишь с очевидным положением, ведь всего через несколько месяцев на свет должен появиться долгожданный наследник.

В какой-то момент к королю незаметно подкрался начальник стражи и что-то шепнул на ухо, на что правитель побледнел. Он опасливо, украдкой взглянул на своего сына, после чего в спешке покинул зал. Увлеченные шумным весельем, тостами и вином гости даже не заметили исчезновения хозяина праздника, однако это заметила принцесса. Она с беспокойством посмотрела в окно. Там, в белой дымке тумана, что стелился над землей, за пышной листвой деревьев королевского сада, из темноты ночи показались воины. Они двигались так быстро, что принцесса в панике схватилась за руку сидящего рядом принца.

— Земан! — встревожилась она. — Земан, они идут!

Но тот лишь скользнул по ней опьяненным взглядом. Принцесса с натянутой улыбкой поднялась из-за стола и с притворным спокойствием покинула праздник.

В это время из глубины зала в сторону выхода непринужденно пробирался малознакомый кому-либо здесь гость с мутными, словно дым, глазами. Он с самого начала неприметно наблюдал за всем происходящим, и ему не составило труда догадаться, что творится что-то неладное.

Как только принцесса оказалась за дверями роскошной залы, она побежала по ковровой дорожке просторного коридора в надежде поскорее покинуть дворец, но сквозь звуки веселья слышались доносившиеся с улицы крики стражи.

Принцесса хорошо понимала, что незваными гостями на этом торжестве были люди из Совета Алафея — воины Грома, пришедшие вершить правосудие. Она точно знала, что этой ночью ей суждено умереть.

Она едва успела свернуть на лестницу, как в коридоре появились незнакомцы в черных плащах. Принцесса спустилась на кухню. Поглощенные суматохой слуги при виде ее тут же склонили головы.

— Воздух... — не обращая на них внимания, задыхаясь, шептала принцесса, схватившись за живот. — Мне нужен воздух!

Слуги растерянно указали ей на дверь. Принцесса что есть сил побежала по зеленой аллее, перебирая шелковыми башмачками камень кладки, но ноги, казалось, становились тяжелее с каждым ее шагом. Сквозь пышную листву уже виднелись стены внутренней крепости города, как за спиной принцессы снова слышались крики. Она старалась бежать еще быстрее, захватывая руками подол платья. На пути ей попадались местные жители, в чьих глазах мелькала паника, но принцесса не обращала на них внимания, она в отчаянии мчалась сама не зная куда. Ее глаза лихорадочно искали дом, закоулок, хоть что-то, где бы она могла укрыться.

Вскоре где-то вдалеке раздался голоса. На другом конце улицы началась суматоха. Едва принцесса обернулась, как тут же заметила дюжину незнакомцев в черных одеяниях. Осознав,

что она на краю города и спрятаться ей не удастся, она побежала к воротам южной крепости, после чего свернула с дороги в сторону леса.

С трудом пробираясь сквозь высокую траву, принцесса крепко держалась руками за живот. Сухие жесткие стебли касались ее лица, оставляя жгучие полосы, но это было ничто по сравнению с тянущей болью, которая расходилась по низу живота, то усиливаясь, то затихая.

— Боги... — со слезами шептала принцесса. — Только не сейчас... Умоляю, только не сейчас.

Земля задрожала от топота копыт, а по ногам принцессы потекли воды.

Вскоре лес поредел, а за стволами деревьев в глубине показалась старая хижина. Стараясь не закричать от боли, принцесса мысленно продолжала молить Богов, но было слишком поздно, ее дитя готовилось явить себя этому миру.

Уже на пороге хижины, в глубине леса она заметила человека, которого знала. Он спокойно стоял в стороне, наблюдая.

— Прошу, помоги мне! — слезно умоляла она.

Взглянув на мокрый подол ее нежно-розового платья, он прекрасно понял, что она вот-вот родит.

— Я не могу тебе помочь... — мрачным голосом отозвался мужчина. Он отстраненно перевел глаза в сторону крепости, словно ожидая прихода ее преследователей.

— Я знаю, что меня ждет смерть, — дрожащим от страха голосом продолжала принцесса, — знаю, что меня не оставят в живых. — Она, хватаясь за живот, скрючившись от боли, склонилась над землей. — Но ведь ты не такой, как они, — проронила принцесса, — я слышала, что о тебе говорят. Прошу, — ее голос задрожал, — Прошу, помоги мне. — умоляла она.

Мужчина сделал шаг и вышел из-за деревьев. Он с абсолютным спокойствием на лице посмотрел в сторону крепости.

— Что суждено, обязательно произойдет. — мрачным голосом отозвался он.

Внезапно резкая боль в животе пронзила тело принцессы. Она, скрючившись, склонилась к земле, сбивчивым голосом моля его о помощи, но мужчина оставался непреклонен.

Где-то вдалеке вновь раздались крики. Принцесса из последних сил заползла в хижину. Тянущие боли по низу живота настигали ее волнами одна за другой, отчего девушка закусывала свой кулак, чтобы не кричать. Она судорожно впивалась ногтями в старые половицы, сдирая кожу пальцев в кровь. Ее роды были стремительными. В какой-то момент адские боли стали нескончаемыми и вскоре живот принцессы обмяк.

Едва придя в себя, она с ужасом в глазах и трясущимися руками перебирала ткань подола. Как только показалось крохотное окровавленное тельце, взгляд принцессы застыл. Она настоженно потянула руки к младенцу, опасаясь, что он мертворожденный, но как только коснулась груди ребенка почувствовала ровное сердцебиение. Ребенок еле слышно закричал.

В этот момент с улицы снова послышались грубые мужские крики. Осознавая, что воины Алафея стремительно приближаются, принцесса судорожно начала рвать ткань своего подола, после чего укутала в нее младенца. Прижав дитя к груди, она с паникой в глазах искала куда спрятать ребенка, но хижина была пуста, без каких-либо укромных мест. Тогда девушка выбежала на улицу, надеясь укрыться в лесу, но было слишком поздно — в направлении хижины с глубины леса мчалась дюжина незнакомцев в черных одеяниях. Под страхом неизбежного принцесса прильнула к земле и со слезами на глазах положила ребенка в один из кустов, после чего поднялась на ноги и медленно побрела навстречу своим преследователям. Казалось, она была безмятежна, но взгляд ее был прикован к мутным, словно дым глазам, глазам таинственного мужчины, что оставался на прежнем месте все это время. В какой-то момент тело принцессы обмякло, и она замертво рухнула на землю.

Мужчина не отрываясь смотрел на девушку, но так и не увидел ничего, что бы заставило его вмешаться.

Бездыханное тело принцессы подхватили воины и помчали в сторону южной крепости дальше вершить свое правосудие.

Мужчина проводил их взглядом, после чего глубоко вздохнул. Как бы ни молила его принцесса, как бы не было ему жаль эту несчастную девушку он был уверен, что поступил правильно, ведь всю свою жизнь он придерживался одного единственного принципа — не вмешиваться в то, что не касается его самого и ему подобных, а таковых в этих землях не оказалось.

С этими мыслями мужчина размеренным шагом направился вглубь ночного леса, но едва он сделал пару шагов, как неподалеку раздался странный звук — едва слышное кряхтение заставило мужчину на мгновение остановиться. Мужчина помедлил, после чего с опаской обернулся и, осматриваясь, направился в сторону звука. Только он приблизился к дверям хижины, как тут же заметил, что с травы показались крохотные ручонки. Мужчина застыл на месте. Внутри него что-то надорвалось при виде ни в чем неповинного младенца. Он растерянно взял ребенка на руки, но тут же осекся. Прокравшаяся в его голову мысль о спасении малыша противоречила всем его убеждениям. Он хотел было положить ребенка обратно, но маленькие пальчики вцепились в кожаный ремешок амулета, что висел на груди мужчины. Тогда мужчина взглянул в большие серо-голубые глаза младенца, и после этого уже не мог оставить ребенка на произвол судьбы.

Недолго думая, он схватил дитя и, укутав его в свой китель, направился прочь.

Спустя несколько часов он всё ещё брёл по лесу в сторону севера, он двигался уверенно, но настороженно. Он знал, что находится в землях, кишящих мерзкой нечистью, которая готова поживиться свежей плотью. Но, приближаясь, нечисть тут же отступала, учуяв, кто нарушил её покой. Мужчина не обращал на это никакого внимания. Он прислушивался к звукам, опасаясь быть замеченным воинами в черных одеяниях.

С первыми лучами солнца лес приобретал свои привычные очертания. В пышной листве деревьев раздавалось пение птиц, пробуждающее зверьё. Время от времени мужчина поглядывал на спящего в его руках ребёнка, который все еще держался за кожаный ремешок амулета своего спасителя, словно чувствовал, что тот вскоре его покинет.

Вскоре вдалеке, в чаще леса, показалась женщина. Мужчина замер, с подозрением рассматривая ее сквозь ветви деревьев. Женщина сидела на коленях в высоких лапах дикого папоротника. Ее взгляд был наполнен бесконечной тоской. Она тихо напевала какую-то грустную песню и что-то собирала с земли, складывая в плетеную корзину рядом.

Мужчина бесшумно направился к ней. Остановившись в нескольких шагах за ее спиной, он аккуратно положил младенца на землю и стал ждать. Через несколько минут ребенок закричал, и женщина тут же испуганно обернулась. Она с удивлением взглянула на младенца, укутанного в богатую одежду, появившегося из ниоткуда. Женщина растерянно взяла ребенка на руки и принялась укачивать.

Мужчина стоял прямо перед ней, но женщина смотрела сквозь него. Она беспокойно озиралась по сторонам, пытаясь разгадать причины таинственного появления младенца.

Женщина завернула ребенка в свой фартук и, прижав сверток к груди, забыла о корзине и поспешила покинуть лес.

Мужчина долго не покидал своего места. Ему ничего не оставалось, кроме как смотреть ей вслед и надеяться, что он поступил правильно.

1 Много лет спустя

Она по-прежнему стоит одна. Ветер раздувает ее длинные взъерошенные волосы, заставляя их касаться бледной кожи лица. В небе, на фоне ярких солнечных лучей, клубятся темно-синие тучи, издавая периодический треск где-то вдалеке. Облака медленно стремятся к ней, чтобы укрыть от всего вокруг тяжелым пасмурным одеялом, нависая над ней своей могущественной силой.

Она стоит одна на прекрасной поляне, что находится на возвышенности. В насыщенной зеленого цвета траве местами выглядывают темные с прожилками камни, их оттенок становится более глубоким от темно-синего цвета неба.

Отсюда едва видны состаренные временем крыши крохотных домов старого селения.

Подняв голову к небу, глубоко вдыхая свежий воздух, наполненный долгожданной прохладой, она наслаждается предвкушением падения первой капли проливного дождя.

Грозовые тучи спрятали солнце в своем клубящемся естестве. Серая стена ненастья несется с порывами ветра, укрывая собой все вокруг.

Ее наполняет чувство спокойствия и безмятежности, будто нет ничего, кроме этого момента. Нет ни прошлого, ни будущего, только она и небо, которое спешит обнять ее своими тучами. Стена касается края поляны, а в груди не хватает места для воздуха, ее переполняет безмерное чувство эйфории.

В какой-то момент из-под земли вокруг появляется пламя. Огненные языки вырываются ввысь, они тянутся к ней, заключая ее в ловушку.

Она с ужасом наблюдает, как пламя касается кожи. Сердце бешено колотится в ожидании жгучей, поглощающей боли, но боль, которой она так боялась, оказалась лишь странным приятным чувством. Она растерянно всматривается в небо сквозь витающие в языках пламени пшеничного цвета волосы.

Ливень настигает, минуя огонь, заключив в свои прохладные объятия.

В какой-то момент на небе сверкнула яркая вспышка. Молния устремилась к ней, колко коснулась ее кожи, минуя бушующую вокруг тела огненную стихию.

Вдруг что-то крепко сжало ее руку, настолько сильно, что она не может ей даже пошевелить. Она взволнованно всматривается в пламя перед собой, но не видит ничего в этой стремительно меняющейся то на огонь, то на воду мгле.

Под оглушающие раскаты грома по ее телу волнами разливается внезапная, пронзительная, колкая, словно тысяча игл, боль. В глазах рассыпались искры. Она не может вырваться из убивающей хватки, ее удерживает невидимая сила, заставляя кричать, срывая голос.

— Алана... Просто доверься мне... — эхом отдавалось в ее голове.

Она всматривается в две враждующие друг с другом стихии сквозь боль, что все еще пробирает тело. В глазах постепенно темнеет, и в какой-то момент она окончательно погружается в пустоту странного, похожего на бесконечную пелену, тумана.

— Алана! Проклятье! Просыпайся! Алана... Алана! — откуда-то издали раздается голос Арона, он трясет ее за плечи.

— Алана, ты опять кричала во сне... — взволнованно говорит он.

Алана с трудом вырывалась из сна, все еще чувствуя сковывающую руку боль.

Арон принялся стягивать с нее одеяло, отчего Алана широко распахнула глаза, тут же прослезившись от ярких лучей утреннего солнца, проступающих сквозь старое, мутное стекло окон. На серо-голубых стенах небольшой спальни переливались блики от воды в графине, что стоял на столе рядом с кроватью.

— В чем дело? Еще же слишком рано... солнце едва встало, а ты уже в панике сотрясаешь весь дом! — Алана сморщила лицо, делая вид, что ничего не случилось.

— Итан встал еще до рассвета! Я не хочу выглядеть, как только что выпавшая из мягкой перины дева!

Арон сел на край кровати и посмотрел на сестру, его взгляд стал теплым и ясным. Голубые глаза едва просматривались из-под копны густых волнистых волос русого цвета, но Алана заметила, что в них затаилась крупица беспокойства.

— Тебе опять снился кошмар, верно? — тихим серьезным голосом спросил он, поджав губы. — Последнее время ты слишком часто стала видеть эту проклятую поляну, я начинаю переживать за тебя. — Он взял сестру за руку и принялся перебирать ее пальцы.

— Все в порядке, — улынувшись, соврала Алана. — Это ведь просто сон. — Она крепко сжала его ладонь, пытаясь умалить тревогу брата.

Но Алана была не в порядке. По ее телу до сих пор плавно расходились остатки боли, заставляя неметь кончики пальцев левой руки. Алана и раньше видела этот кошмар, но последнее время он становился более ярким, более запоминающимся, и чем чаще она видела этот сон, тем больше ощущала от него последствий наяву.

— Тогда вставай! — бросил Арон бодрым, пожалуй, чересчур веселым, заигрывающим тоном.

Его глаза засверкали, он принялся щекотать сестру, как будто ей снова шесть лет.

— Вставай! Мы не должны опаздывать, — произнёс он притворно поучительным тоном.

— Перестань... — хохоча пробурчала Алана, пытаясь от него отмахнуться, не в силах больше сдерживаться от щекотки.

Ее звонкий смех раздался на весь дом, наверняка приведя в недоумение соседей.

В какой-то момент Арон беззаботно рухнул на кровать рядом с Аланой, и устался в потолок. Казалось, он был встревожен, но всячески пытался скрыть это от сестры.

— Сегодня все будет отлично, слышишь? — Алана пристально посмотрела на брата, она гнала дурные мысли. — Ты целый год тренировался и каждый раз возвращался с заставы как выжатый лимон...

Озабоченность в глазах брата сменилась удивлением.

— Когда это я был выжатым лимоном?! — притворно оскорбился он, усевшись в кровати. — Я свеж и полон сил, я пройду этот ритуал, чего бы мне это ни стоило!

Арон ударил ладонями по коленям, резко встал и направился в гостиную. Алана поспешила за братом, морщась от холода половиц. Она всеми силами хотела вселить в него уверенность, ведь от исхода сегодняшнего дня зависела все его будущее.

Старший брат слыл достаточно серьезным человеком. Жизнь наградила его суровым испытанием. Едва Арону исполнилось четырнадцать, их мать умерла при рождении самой младшей сестры. Тогда ему пришлось резко повзрослеть.

Сейчас Алана понимала, как брату пришлось нелегко. Жители селения и без того долгие годы смотрели на них с жалостью. Нерадивый отец, который к тому времени уже полгода как считался погибшим, был жестоким, замкнутым человеком, не щадящим никого в своей злобе. Однако их мать любила его, а ему, казалось, было на это все равно, он просто позволял себя любить.

Изредка вспоминая о прошлом, Алана никак не могла понять, почему мать каждый раз так отчаянно ждала возвращения мужчины, который даже не задумывался о ее чувствах. Отец бывал дома всего несколько дней в году, а после исчезал на долгие месяцы, оставляя семью на произвол судьбы, и за это Алана его ненавидела. Когда он все-таки появлялся, Алана считала дни до его отъезда. Сейчас, будучи взрослой, она была уверена, что ему было плевать и на мать, и на детей. Но больше всего от этого страдал Арон. В глубине души он любил отца, несмотря ни на что. Словно слепой котенок, ищущий кошку, он готов был беспрекословно следовать слову нерадивого родителя, отчего Алана часто обижалась на брата.

После смерти матери Алану приняли в наставнический двор, в котором обучались девочки со всех ближайших селений. Тогда ей только исполнилось восемь. После занятий Арон забирал сестру на заставу, где Алана всегда была у него на виду. По сути, она выросла в окружении брата и его друзей.

Младшей сестре — Элионе — повезло больше. Она была младенцем, и ей не пришлось познать горя утраты. Ее забрала на воспитание местная уважаемая семья Суит. Леди Суит дала Элионе все, в чем она нуждалась: большой уютный дом, прекрасное образование и безмерную заботу. Будучи весьма состоятельной госпожой, Леди Суит каждое лето отправляла Элиону на обучение творчеству. Младшая сестра преуспевала в живописи, лепке, гончарном деле, но больше всего любила цветоводство.

Чтобы хоть как-то укрепить хрупкую сестринскую связь, Алана старалась проводить все свое свободное время рядом с Элионой. Скромные накопления Алана тратила на различные приятные мелочи для сестры. Алана стремилась стать для Элионы подругой, наставником и человеком, который всегда мог бы ее утешить и решить все проблемы.

После обучения Алана по-прежнему жила с братом в доме, что достался их матери еще от деда. Арон стал подмастерьем местного кузнеца, где годами оттачивал ремесло кузнечного дела. Усердие принесло результат. Порой его мечи превосходили даже те, что были из столицы — Орфея. Случалось и так, что Арон делал оружие для воинов соседних королевств. Брату нравилось свое занятие, ведь он с легкостью погружал свои руки в расплавленную стальную массу и, словно управляя железом, придавал неукротимому металлу нужную форму. Это был его дар.

Все люди, населявшие Алафей, были наделены различными силами, когда-то павших богов. Кто-то с легкостью говорил на языке животных или даже превращался в них, кто-то владел мастерством перемещать предметы силой мысли.

Королевства, подобные Гродену, где жила Алана с братом и сестрой, населяли люди с различными способностями, и Алана, каждый раз с интересом наблюдая за тем, что они могут сотворить, приходила в изумление от их дара. Когда боги пали, люди, что им поклонялись, получили малую долю их силы. Этот дар передавался из поколения в поколение, и та или иная способность стала неотъемлемой частью мироустройства.

Со временем в Алафее появилось множество королевств, чьи жители обладали различными умениями. Но были королевства, основанные людьми, которые владели силой исключительно только одного бога. Мужчин таких королевств называли воинами, а сами королевства — воинским родом. Всего было пять подобных королевств. Королевство Грома, с воинами, способными призывать молнии и наделенными силой воздушной стихии от Бога Грома. Снежное королевство с воинами Льда, которые сотворяли снег и лед и почитали Бога Бороя. В Булливане жили воины Огня, с легкостью призывающие языки пламени и чтившие Бога Ареса. На юго-западе Алафея обосновались Атланты, чьи воины укрощали водные толщи и молились Беренгу, а по-соседству с ними, на севере, располагалось королевство Коро, где жили Горцы, способные сокрушать горы и почитавшие божественных горных духов.

Иногда Арон бывал в Котедаме — столице Булливана. Там он часами наблюдал за воинами Огня, за тем, как ловко они управляют пламенем. В глубине души Арон мечтал быть одним из них, мечтал обладать их силой, но также понимал, что ему этого не дано.

В Алафее положение каждого в обществе зависело от его силы. Люди с полезным даром занимали лучшее место в этом мире, но те, кто был частью рода, всегда имели преимущества. И Арон, будучи простым парнем из простого королевства, без своего воинского рода, это хорошо понимал. Он надеялся, что ему удастся стать солдатом армии родного Гродена со стабильным жалованием, хотел защищать свои земли от набегов соседних королевств и тварей, населявших ближайшие леса, но такие, как Арон, считались посредственными солдатами по сравнению с воинами из воинского рода, которым от отца к сыну передавалась их сила. Однако таким, как

Арон, предоставлялся шанс проявить себя на «Состязании Мужества», и по итогам первенства участники могли получить должность при дворе и армии любого королевства Алафея или же пасть доблестной смертью.

Это состязание проходило раз в десять лет в разных королевствах, и участие в нем принимали мужчины со всех уголков Алафея. В этом году честь провести «Состязание Мужества» выпала соседствовавшему с Гроденом на юге Булливану, и Арон намеревался во что бы то ни стало это испытание пройти.

— Арон, у тебя все получится, ты точно пройдешь состязание! — без устали повторяла Алана, бегая за суетящимся братом по всему дому. — Другого и быть не может, — подбадривала она.

Алана ухватила брата за руку, в надежде поймать на себе его взгляд.

— Мне почему-то кажется, что это не просто состязание, — остановившись, проговорил Арон. — У меня странное предчувствие, что от этого зависит вся моя жизнь.

И хотя Алана знала, что Арон прекрасно подготовлен, в глубине души у нее все равно затаилась тревога, тревога оттого, что брат может погибнуть, но она старательно гнала от себя подобные дурные мысли.

— Я в тебя верю... — Алана нежно обхватила лицо брата ладонями, ее глаза лучились теплотой.

— Так-так... неужто тебе удалось поднять ее с кровати? — На пороге внезапно появилась Элиона.

— Неужто ты опять встретила рассвет со своими цветами? — поморщилась Алана, кивая на ее платье. Смазанные землистые пятна на нежном сиреновом подоле свидетельствовали о том, что Элиона, позабыв о своем внешнем виде, вновь все утро провела в саду Леди Суит.

Младшая сестра с детства любила все, что росло из земли, она ухаживала за каждой травинкой, которая встречалась на ее пути. Младшая сестра была девушкой тонкой, чувственной натуры, с необычайно редкой и красивой внешностью: лицо треугольной формы с аккуратными правильными чертами, большие голубые глаза, упругие локоны пшеничных волос, ниспадающие на узкие плечи, точёная фигура. И в придачу ко всему этому Элиона обладала даром плодородия. У нее прекрасно росли любые цветы, в то время как у Аланы помирал даже сорняк.

Элиона прилежно постигала все науки наставнического двора. Она стала этаким идеалом местной девушки, завидной партией для любого уважающего себя молодого человека. Чего нельзя было сказать об Алане. Долгие годы, проведенные на заставе в компании брата и его друзей, оставили на ней отпечаток. Мужчины не видели в ней девушки, ведь она вела себя с ними на равных и не испытывая стеснения в их обществе. Общаясь с молодыми людьми, Алана старалась не допускать каких-либо романтических отношений с их стороны, а если подобное случалось, то их общение в скором времени прекращалось.

Через три месяца Элионе исполнится восемнадцать, и, возможно, ее выберут девой для воина соседнего королевства Грома. И вроде бы Алану должна была радовать такая перспектива для сестры, ведь статус девы давал не только почет и уважение в обществе — девы становились частью воинского рода, а ее семья получала ряд привилегий. Родственники девы освобождались от уплаты подати, им назначалось пожизненное содержание от короля. Однако Алане становилось не по себе от этой мысли, ведь тогда Элиона должна будет покинуть селение навсегда.

Арон, наоборот, надеялся, что это произойдет. Он понимал, что это будет лучшим решением как для их семьи, так и для самой Элионы. Арон подозревал, что Элиона втайне ото всех питает нежные чувства к его давнему другу Итану — образованному молодому человеку с отличными военными навыками и видами на светлое будущее. Он прекрасно подходил Элионе, но Арон осознавал, что подобный союз невозможен. Селяне никогда бы не приняли между

ними подобных отношений, ведь Итан был родным сыном Леди Суит, которая когда-то приняла Элиону в свою семью.

— Поторопитесь, ну же... — беспокойно бормотала Элиона, пытаясь привести Алану в порядок. — Нужно успеть прибыть в Котедам пораньше и занять лучшие места... Говорят, там будут даже воины Грома!

Элиона была взволнована, но Алана с Ароном понимали, что подобное волнение было связано с предстоящим состязанием лишь отчасти. Алана подозревала, кого на самом деле хотела поскорее увидеть Элиона, и совсем этого не одобряла.

— Итан ждет нас у таверны, — загадочно произнес Арон, наблюдая за реакцией Элионы. Младшая не смогла скрыть улыбки на своем лице.

— Идите... я догоню вас... — нехотя протянула Алана.

Арон подхватил Элиону под руку, и вскоре они покинули дом.

— Боги! Что со мной? Как я выгляжу? Будто по мне прошел табун лошадей... Никуда не годится, — рассматривая себя в зеркале, бормотала Алана проклятья по поводу отвратительного внешнего вида.

Она налила в старое корыто ледяной воды и погрузилась в него с отрезвляющим криком. Щетки, управляемые магическим очагом дома, тут же торопливо принялись за свое дело.

В этом году Алане исполнилось двадцать шесть лет. За последнее время ее жизнь словно остановилась, превратившись в череду дней, неотличимых друг от друга, но по какой-то причине ее устраивало такое течение событий.

После обучения в наставническом дворе Алану взяла на поруки местная портниха Клара Кон, в чьем ателье она постигла азы ремонта одежды и работала по сей день. Алана неплохо справлялась с иглой и ниткой, но это не приносило ей удовольствия, скорее было необходимостью занять себя чем-либо, чтобы не сойти с ума от каждодневной тоски.

Когда-то она хотела уехать из Гродена, но так и не смогла заставить себя оставить брата и Элиону, а может, это служило лишь оправданием ее трусости изменить жизнь.

В свободное время Алана любила сидеть на подоконнике открытого окна своей комнаты и читать. Но читала она вовсе не любовные романы, которые так нравились ее сверстницам, Алана читала книги, в которых описывались города других королевств. Каждый раз погружаясь в строки, она мысленно представляла, как прогуливается по улочкам незнакомых ей мест.

В самые тоскливые времена она убегала в поле, к границе Черного леса, что окружал их селение с западной стороны. Ей нравилось наблюдать за размеренной суетой жизни местных издалека, она часами могла сидеть в глубине ковра из цветов, проводя время за рисованием. Кусок угля в ее руках превращался на бумаге в неотличимые от реальности формы. Она с легкостью могла изобразить все, что когда-либо видела.

Когда собирались тучи, Алана любила лечь в высокую траву и наблюдать, как в ее сторону плывет клубящаяся грозовая синева, постепенно поглощая яркие лучи солнечного света. Алана замирала в ожидании первого раската грома, обожала ловить взглядом вспышки сверкающих молний. Она замирала в предвкушении первых капель, а после, сняв обувь, босиком легко неслась домой, растворяясь в редком пьянящем чувстве эйфории. Это была ее беззаботная жизнь, жизнь, которая в скором времени должна измениться.

Алана до сих пор не знала, чего хочет от жизни. Ее пугала настигающая волна перемен, которая рано или поздно накроет ее с головой. Она все чаще стала задумываться о том, как будет жить дальше. Алана понимала, что сегодня Арон пройдет состязание и вскоре покинет ее, что его могут распределить куда угодно, в любой уголок Алафея. Элиона, несомненно, выйдет замуж и уедет из селения. Алане же перспектива замужества не грозила, хотя нужно признать, что она и сама не стремилась становиться чьей-либо женой.

За восемь лет ее так и не выбрали девицей, что, конечно же, Алану радовало. Она крайне редко становилась предметом мужского интереса. Высокий рост, отпугивал многих мужчин,

что были ее ниже, прямой тонкий нос и глубоко-посаженные глаза наполняли лицо выразительной серьезностью, характерный изгиб бровей придавал взгляду томности и надменности и вдобавок ко всему этому грудь Аланы смотрелась куда крупнее скромных бедер. Ее украшали лишь голубые глаза, доставшиеся от матери. Они имели глубокий серый оттенок, отчего напоминали застывший лёд горного озера. Однако, красота глубокого выразительного взгляда уходила на второй план как только проявлялись ярко-выраженные черты упрямого характера.

К своему сожалению, Алана не обладала ничем, что могло бы выделить ее среди других. Она была простой сельской девушкой, которая к двадцати шести годам так и не познала своего дара.

Со временем мужчины стали ее сторониться, предпочитая общение с Элионой и другими девушками. Уже давно никто не рассматривал ее на роль невесты, и Алана смирилась с этим, однако местные достопочтенные дамы никогда не отказывали себе в удовольствии указать ей на этот малоприятный для окружающих факт. Раньше она думала, что только сильное чувство может толкнуть ее на этот поступок, но к своим годам Алана его так и не испытала. Лишь однажды, будучи совсем юной, Алана была влюблена. Тогда она испугалась своих чувств и, полагая, что человек, к которому она их питает, станет над ней насмехаться, похоронила их в самом потаенном уголке души.

В очередной раз размышляя об этом, Алана погрузилась в ледяную воду с головой, закрыв глаза, будто растворяясь в ее молчаливом сочувствии. Алана понимала, что вскоре останется совсем одна, и это не давало ей покоя.

Вдруг кто-то схватил ее за волосы и резко вытащил из воды и темных мыслей.

— Ты снова решила предаться забвению? — прорычал женский голос.

— Брианна!

На Алану лукаво смотрели карамельные глаза с желтыми прожилками, отлично сочетающиеся с золотистыми веснушками. Закадычная подруга со времен наставнического двора не была готова мириться с унынием Аланы.

Первые месяцы пребывания Аланы во дворе были тяжелыми. Она с трудом переживала смерть матери. В тот момент казалось, что ее маленький мир рухнул и все вокруг вдруг стало чужим и враждебным. Ей хотелось спрятаться ото всех, хотелось, чтобы люди перестали высказывать свое мнение по поводу ее осиротевшего положения. Алану раздражали их жалостливые взгляды. Тогда она перестала разговаривать, огороди себя от всех стеной молчания, но, несмотря на это, Брианна стала ее другом. Она приняла потерянную девочку, и ее нисколько не смущало безмолвное общество новой подруги.

В наставническом дворе всех девочек обучали портному ремеслу, кулинарии, отдельное внимание уделяли ведению домашнего хозяйства и манерам замужней женщины. В конце концов, любая из девочек могла стать девой, но Алана уже лет с тринадцати понимала, что ни ей, ни Брианне не случится услышать своего имени в день наречения.

Если Алана была просто упряма, то Брианна славилась своим несносным характером. Бойкая, но добрая девчонка, всегда готовая пуститься в какую-нибудь авантюру росла под пристальным присмотром достаточно строгой матери, которая старалась держать дочь в ежовых рукавицах, что лишь укрепляло в юной Брианне порывы к необдуманным поступкам. Мать — Кирана любила ее по-своему. Когда Брианна была подростком все вокруг твердили, что ей не хватает твердой отцовской руки, однако кто был ее отцом и куда он делся Брианна так и не узнала.

Кирана была известной в здешних землях травницей, и повзрослев, Брианна стала помогать матери в ее ремесле, усердно собирая травы для снадобий, хотя ничего в них так и не понимала. Она не раз думала покинуть селение, но так и не смогла решиться на столь серьезный шаг.

— Я встала пораньше и сразу поспешила к тебе. — В глазах Брианны замелькали лукавые огоньки. — По пути я встретила Арона с Элионой, они-то и сказали, что ты только проснулась.

Озорная рыжеволосая девчушка из детства с горящими глазами смотрела на подругу, она явно с нетерпением предвкушала предстоящее зрелище в Котедаме.

— Вставай, Алана Грин! Подними свою мокрую задницу с купели! — завопила она, схватив в руки полотенце, и ее губы растекались в игривой улыбке. — Сегодня мы увидим сотню статных мужчин, в поте лица, изображающих свое превосходство!

Алана, забирая с ее рук полотенце, с порицанием посмотрела на раздухаренную подругу, отчего Брианна на миг смутилась.

— Ну а что? Любая нормальная женщина ждала бы этого с нетерпением!

— Да будь ты проклята, испорченная девчонка! — изображая поучительный тон, пытаясь пристыдить подругу, в шутку шикнула Алана.

Будучи подростком, Брианна познала первую любовь, но парень, который так ловко завладел ее наивным девичьим сердцем, хотел лишь позабавиться в плотских утехах и охладел к ней, как только получил отказ. С тех пор Брианна поклялась себе, что больше никогда не станет открывать кому-либо свою душу, и надела на себя маску язвительного безразличия.

Со временем Брианна стала наглой и дерзкой. Она всегда добивалась того, чего хотела, и мужчины не были исключением. Пораженные ее уверенностью в себе, они жаждали укротить ее несносный характер, а женщины, не скрывали своих осуждающих взглядов, что раззадорило Брианну еще больше.

Брианна пользовалась мужчинами, вела с ними этакую игру, правила которой диктовала только она, дерзкая девчонка надменно щёлкала их по носу, чем вызвала азарт в глазах мужчин. Но даже при этом, не зная недостатка в мужском внимании, Брианна оставалась одинока как никто другой. Она прекрасно понимала, что мужчинам от нее нужны лишь ласки и утехи, никто из них не желал ее узнавать, никто из них не проявлял к ней заботы, для них она была лишь очередной игрушкой для утешения собственного эго. Но все же где-то в глубине ее души теплилась надежда встретить того, кто без лишних слов даст ей понять, что такое любовь, а пока этого не произошло Брианна продолжала играть свою роль.

Когда-то в ее игру угодил и Арон. Несмотря на то, что испытывал к Брианне симпатию, он, будучи взрослым тридцатидвухлетним мужчиной, быстро понял, что к чему. Он не подчинился ее правилам, чем задел ее самолюбие. Брианну цепляло его безразличие, но не более того. Арон понимал, что, поддайся он на уловки, Брианна тут же потеряет к нему интерес.

Со временем их странные отношения превратились в дружбу. Однако Брианна до сих пор не оставляла попыток поймать Арона в свои сети, но все они заканчивались неудачей. Алана в этой ситуации стойко оставалась на стороне брата. Несмотря на серьезный облик, Арон отличался мягкостью, в то время как Брианне нужен был мужчина, который бы смог подчинить ее строптивую натуру, мужчина, от взгляда которого она бы думала, прежде чем произнести хоть слово, мужчина, способный пробиться через каменные стены ее сердца. И, если честно, Алана сомневалась, что Брианна когда-либо встретит подобного.

— Давай, Алана Грин! — провозгласила Брианна, как только подруга закончила обижаться полотенцем. — Надевай свое лучшее платье! Вдруг сегодня ты встретишь воина, который дойдет до короля, чтобы тебя отдала ему в жены.

Подруги уставились друг на друга с серьёзным выражением лиц, после чего навзрыд рассмеялись.

— У меня будет больше шансов, если я буду без платья... — хохоча, отозвалась Алана, утирая слезы.

— Слушай... И почему мне не пришла в голову эта идея? — притворно, серьезным тоном ответила Брианна, еле сдерживаясь от смеха. — Хотя нет... Слишком опасно...

— Это точно... выбери наставницы тебя девай, ты бы развратила своего воина... Вы бы даже до границы не доехали!

— А если бы и доехали, то меня бы вернули, да еще и денег дали в придачу, лишь бы селение меня приняло...

Алана с трудом надела на себя платье, подавляя очередной смехок в горле, после чего подруги спешили покинуть дом. Девушки одна за другой вышли за двери, где их встретил тёплый ветер, наполненный запахами полевых цветов и свежей листвы.

— Весна... — Алана с наслаждением вдохнула манящий аромат.

— Как и всегда... — сощурившись от ярких лучей утреннего солнца, непринужденно ответила Брианна, ухватив подругу под руку.

Селение, в котором они жили, называлось Селением Весны в честь богини Лелы. В детстве мать часто рассказывала Алане перед сном, что несколько тысячелетий назад вблизи этих земель упокоилась богиня весны, сошедшая с небес. Она полюбила мужчину и пожелала остаться с ним. Боги пришли в ярость, никто из них не принял решения Лелы, однако она настояла на своем и осталась с воином. Поступок Лелы изменил многие судьбы, кто должен был умереть — не умер, кто должен был родиться — не родился. Гармония мира нарушилась, и в конечном счете Алафей погрузился в затяжную кровавую войну, в которой ее избранник погиб. Лелу сокрушило отчаяние. Она, не желая мириться с подобной судьбой, направила всю свою ярость на богов, тем самым уничтожив и их, и себя. По преданию, после смерти Лелы ее сила заполонила близлежащие земли, которые с тех пор застыли в вечной весне и радовали местных жителей богатым урожаем.

Селение Весны находилось на окраине Гродена, вблизи северной заставы. Оно часто подвергалось нападкам нечисти, мерзким тварям, которые когда-то были людьми, а после смерти их души не смогли упокоиться. Они обитали в землях Черного леса, что окружал селение. Нечисти любили поживиться случайными путниками в границах мест своего обитания. Так просто их было не убить, но для воинов с силой рода это было проще простого. Земли Гродена охраняли воины Грома. Они, помимо всего прочего, обладали даром чутья заблудших тварей, выслеживали и убивали нечисть, оставаясь при этом незамеченными для местных жителей.

В Алафее существовали территории, неподвластные ни одному королевству. Там таились души умерших, а веками жившие в этих землях ведьмы оберегали их покой. Одно из таких пристанищ мертвых — Болотная топь — находилось за северными границами Гродена. За Топью простиралась горная цепь, на которой располагалось королевство Грома, девами которого могла стать любая из селения Аланы.

Все девушки Гродена могли выйти замуж и за любого человека, дав клятву верности перед богами, но девами они становились лишь пройдя обряд объединения с мужчиной из воинского рода. В каждом роду был свой порядок ритуала, по завершении которого судьбы молодых людей связывались. Обретая деву, воин укреплял свою мощь. Мальчики от таких союзов рождались с силой рода, а девочки наследовали дар матери, однако, хоть и редко, случались исключения и девочки наследовали силу отца.

Обряд объединения служил не только ритуалом для продолжения воинского рода, со временем он стал инструментом во взаимоотношениях между королевствами.

Много лет назад в Булливане жестоко убили королевскую семью. В живых остался лишь юный принц Борман, который занял трон, но спустя несколько лет бесследно исчез, что повлекло начало темных времен борьбы за власть. В конечном счете на престол взошел его племянник, которому едва исполнилось пять лет. По сути, Булливаном управлял регент, один из бывших советников убитого короля. Воинов Огня, поддерживающих пропавшего наследного принца, это в корне не устраивало, в связи с чем время от времени в Булливане случались волнения.

Король Гродена, осознавая свое ущемленное положение в случае буйства соседа, заключил договор с Громом. Воинский род Грома обязался защищать земли Гродена, а Гроден ежегодно отправлять им дюжину лучших девушек королевства, чтобы те стали девами Грома.

За месяц до ритуала наставницы всех дворов Гродена отправлялись в столицу, чтобы утвердить избранную ими деву. Король выбирал заветную дюжину, после чего назначался день наречения девы, и выбранные девушки отправлялись в Гром.

В последнее время расходились слухи о волнениях с юга. Алана часто слышала разговоры приезжих, что в Булливане неспокойно. Поговаривали даже о бунте воинов, но она не придавала этому значения, для нее это оставалось всего лишь слухами.

2

Подгоняемые тёплым ветром, Алана и Брианна неслись через селение в направлении таверны, где их ждали друзья, после чего все отправились в путь.

Дорога простиралась в границах земель Чёрного леса. В дневное время он был вполне безопасен. Нечисть не вела охоту в светлое время суток, но мужчины всё равно оставались настороже. Дорога заняла четверть полдня, и в Котедам путники прибыли ближе к обеду, за час до начала состязания.

Итан с Ароном отправились на регистрацию участников, а девушки, сдав лошадей в конюшню ближайшей таверны, поспешили на центральную площадь.

Столица Булливана — Котедам — огромный древний город. Он представлял собой большую каменную крепость прямоугольной формы, внутри которой находилась крепость поменьше. Каждая из них имела башни, строго ориентированные по сторонам света. Город был разделен, соответственно, на южную, восточную, северную и западную части.

Дворец представлял собой внутреннюю крепость, окруженную роскошным персиковым садом. За границами сада тянулась вереница улиц, жилых домов, различных лавок. В стенах внешней можно было обнаружить все что угодно: библиотеку, прачечную, типографию, воинский зал славы и даже заведение, где мужчинам оказывались весьма интересные услуги. Но то, чем Булливан славился во всем Алафее, скрывалось от любопытных взоров приезжих. Под городом располагалась древняя тюрьма. Именно сюда отправлялись самые опасные преступники со всех земель мира. По слухам, подземелье имело несколько уровней, и на нижнем содержали преступников с самыми могущественными силами.

Булливан не имел каких-либо ценных месторождений драгоценных камней, не славился умельцами и мастерами. Казна пополнялась лишь благодаря содержанию преступников, а воины Огня, вылавливающие их по всему миру, обеспечивали порядок на каждом уровне этой устрашающей темницы, которую в народе прозвали Подземельем Огня.

Внутри, за стенами дворцовой крепости, в бурлящем жизнью центре Котедама находилась огромная заводь, обрамленная массивными камнями. Она брала начало в море Беспокойства, которое заходило в город в восточной части, где располагалась верфь. Могучие воды моря протекали по землям всего Алафея и служили границами между землями Атлантов, Горцев и Меллиона — королевства, подобного Гродену, которое находилось на северо-западе по ту сторону моря. На востоке в море впадали воды реки Нефты, что делила Северные земли, земли Грома и древние безлюдные земли Теней.

Основавшие Булливан почитали Ареса — бога войны и огня. По легендам, Арес был бесстрашным, жестоким и кровожадным, он останавливал войны одним своим взглядом, а его ярость порождала огонь. В честь него на углах внутренней крепости располагались четыре огромных монумента, и от их вида захватывало дух. Массивные статуи бога Огня, казалось, касаются края неба. С поднятой вверх ладони каждой из них вырывались яркие языки пламени. Над статуями, высоко в облаках виднелась, круглой формы каменная платформа — главную площадь, где должно был состояться «Состязание мужества». Странное, на первый взгляд, положение статуй под площадью было связано опять-таки с легендами о падении богов. Арес пал смертью, но его сила породила великих воинов Огня.

Девушки шли, открыв рты, разглядывая все вокруг. Алана никогда не была в таком красивом и в то же время пугающем своей мощью городе, воздух в котором был пропитан запахом расплавленной стали. По пути, среди множества людей, им встречались воины Огня, которых легко было узнать по ярким алым плащам. Они с интересом обращали внимание на девушек, а те невольно цеплялись взглядом за их оружие, которое каждый воин выковал для себя сам,

наделив его силой рода. Меч в руках воина Огня с легкостью превращался в смертоносное огненное лезвие.

Праздничную атмосферу нарушало напряженное состояние местных жителей. Несмотря на обилие лавок с различными угощениями по дороге к площади, девушки не видели ни одного ребенка. Среди людей были в основном мужчины, и лица многих из них скрывал плотный капюшон.

Вскоре, минуя персиковый сад, пройдя под массивными сводами дворцовой крепости, девушки оказались под центральной площадью. Там, над скованной в массиве золотистого мрамора заводью, в огромной каменной чаше горел огонь воинского рода Булливана. Как только кто-то приближался к краю ограждения, с поверхности чаши странным образом отрывались длинные плоские осколки камня. Люди ступали на них и тут же уносились ввысь на центральную площадь.

Девушки, не скрывая своего удивления, направились к чаше. Мгновение — и Алана, не в силах уgomонить от страха высоты бешено бьющееся сердце, с интересом рассматривала, как удаляющиеся улицы превращаются в симметричные узоры внутри древней столицы.

Оказавшись на площади, девушки увидели высокие деревянные трибуны, с которых доносился гул. Устроенные в форме круга они были разделены на несколько частей, где уже заняли места гости из других королевств. В центре пустовала ничем не примечательная арена, на которой вскоре должно было начаться состязание.

Девушки быстро отыскивали трибуну, отведенную королевству Гродена и Грома. Пробираясь к свободным местам, Брианна настороженно посматривала на соседей — воинов Грома, что сидели на ярус выше.

Представители рода Грома славились своим безжалостным характером, стойкостью и справедливостью, они обладали непревзойденной военной выучкой, дисциплиной и отличались беспрекословной преданностью своему роду. Высокие, статные, с идеально прямой спиной, облаченные в черные плащи, воины непринужденно наблюдали за происходящим с безразличным выражением лиц. Правое плечо каждого выглядывало из-под плаща, являя взору строгий черный китель. Его рукав, от ворота до манжета, украшали вышитые серебристой шелковой нитью ветви молний. Алана с интересом рассматривала эфесы мечей, что мерцали разрядами за их спинами. У каждого воина был меч не похожий на другой. На рукоятях были заметны алафеевские символы. Они сияли цветом камня, который был вплавлен в навершие.

— Смотри! Смотри! — залепетала Элиона, одёрнув сестру за руку. — Там Ландерсы! — И тут же радостно замахала.

— Элиона Грин! — притворно возмутилась Брианна, сверкнув глазами, изображая леди Берон. — Будь сдержаннее.

Неподалеку от них, рядом с королевским ложем, находилась трибуна воинов Огня, где сидели трое братьев Ландерсов. Все они принадлежали к воинскому роду. Младший из них, Тэан, был близким другом Арона. Пытаясь рассмотреть его лицо, Алане отчего-то казалось, что он был напряжен, его взгляд будто прожигал и устремлялся за спины девушек. Алана растерянно обернулась и обнаружила, как один из воинов Грома рассматривает подруг, не скрывая своего интереса. Через мгновение Алана уткнулась в холодные, леденящие душу глаза серого цвета, отчего ей стало не по себе, и она, оторопев, тут же отвернулась.

Сквозь суматошный гул внезапно раздался бой барабанов, который вскоре затих, что ознаменовало старт состязания. В королевском ложе появился юный король в сопровождении регента. Регент поприветствовал гостей, объявил о начале «Состязания мужества», и после его слов на арене показались участники, среди которых были Итан и Арон.

Брианна начала выкрикивать их имена, азартно сверкая глазами.

— Что это? — спросила Алана, заметив, как вымощенная камнем поверхность странным образом задвигалась.

— Каждое испытание будет появляться прямо из-под камней арены... — не сводя жадного взгляда с участников, ответила Брианна. — Их разделят на две команды.

— Они что, должны будут сражаться друг с другом? — заволновалась Элиона.

— Их разделят и повесят каждому на пояс платок цвета их отряда, — непринужденно поясняла Брианна. — Смысл в том, чтобы пройти все испытания, сохранив его, а также забрать платок у других участников и привести свой отряд к победе.

Все участники были безоружны. На каждом этапе состязания им предстояло любыми способами, даже ценой жизни других, добраться до парящей над землей в центре арены деревянной платформы, на которой атака была запрещена. «Состязание мужества» — жестокое и кровавое зрелище, однако народ с азартом наблюдал за происходящим, ожидая первой крови.

Итан и Арон оказались в одной команде, чему были рады, ведь оба хорошо знали сильные и слабые стороны друг друга, что превращалось в большое преимущество в предстоящем сражении.

Раздалась динамичная дробь. Состязание началось. Арену заполонило зловонное болото. Мужчины бросились друг на друга, увязая в глине, из которой резко то появлялись, то исчезали острые, как иглы, деревянные колья.

— Боги, вы только посмотрите... — дрожащим голосом бормотала Элиона, крепко вцепившись пальцами в ткань платья.

Раздался глухой бой барабана. Алану замутило при виде первого насаженного на кол тела. Она резко повернула голову, чтобы прийти в себя от этого ужасного зрелища, и ее взгляд вновь пал на воинов Грома. Они были абсолютно безмятежны. Складывалось впечатление, что они наблюдали за чем-то обыденным. Их лица не дрогнули, даже когда раздался очередной бой барабана, ознаменовавший посмертно выбывшего участника.

— Смотри же... — фыркнула Брианна, пихнув ее локтем. — Пропустишь самое интересное.

Брианна, словно ястреб, ищущий дичь, всматривалась в кровавое месиво на арене, ловя взглядом каждое движение бойцов состязания.

Как только последний участник забрался на платформу, парящий помост тут же задрезжал и отбросил соперников к трибунам на равное расстояние друг от друга.

Вязкая глина внезапно сменилась нежно-розовой гладью озера. Раздался сигнал, и мужчины бросились сражаться в воду, пытаясь срывать платки друг у друга. Вдруг из мерцающей поверхности стали выпрыгивать причудливого окраса рыбы, и стоило им учуять кровь, как они устремлялись к раненым, открыв зубастую пасть. Странные кровожадные существа на лету отрывали куски мяса и погружались обратно в озеро. Участники с трудом уворачивались от плотоядных тварей. Под конец испытания вода имела насыщенный алый оттенок, а на парящей платформе стояло около тридцати выживших.

Наступала очередь следующего испытания. Вода мгновенно испарилась, а участники вновь оказались у трибун. Внезапно земля задрожала. Где только что было озеро, вдруг появился песок, который сочился на поверхность. Из песка выплывали большого размера камни, которые вскоре образовали замкнутую по кругу стену. Неожиданно в стене возле каждого участника образовался закрытый проход.

Динамичная дробь, и каменные стены охватило пламя, а проходы открылись.

Внутри виднелась своеобразная полоса препятствий из деревянных конструкций с массивными деревянными арками. И все бы ничего, но с этих арок свисали, качаясь словно маятник, раскаленные стальные топоры. Задача соперников оставалась прежней — добраться до парящей платформы в центре и привести уцелевших из своего отряда к победе.

Вскоре на парящей платформе находились восемнадцать бойцов. С поверхности арены резко вспыхнуло пламя, оставив от полосы препятствий лишь обугленные деревяшки. Все

ждали, что участников вновь отбросит к трибунам, но подмостье внезапно растворилось в воздухе, оставив соперников внутри каменной стены.

Вновь раздалась динамичная дробь. Воцарилась мертвая тишина.

В центре арены появился неприметный сундук, а в стене — небольшая дверь, за которой в воздухе запарили каменные ступени. Они вели прямо в королевское ложе. Участники переглянулись в недоумении, как вдруг крышка сундука открылась. Из него вырвалось что-то непонятное. Это что-то какое-то время беспокойно витало в воздухе, после чего застыло.

— Пур? — с ужасом в глазах пробормотала Элиона.

Мерзкая нечисть, похожая на рой жужжащих мух. Она не имела ни глаз, ни рта, двигалась лишь на звук, меняя форму. Пур полностью окружал тело и поглощал плоть, оставляя лишь кости.

— Что за бред? Они же не смогут убить нечисть... — обеспокоенно прошептала Алана.

— Суть не в том, чтобы убить пура, — задумчиво произнесла Брианна, не отрывая глаз от Арона, — они просто должны выжить и выбраться...

Брианна указала на неприметную дверь.

— Значит, это последнее испытание? Но я не понимаю, — пришла в замешательство Алана. — Что, если в живых останутся участники обеих команд? Кому в таком случае присудят победу?

— Каждому, — подметила Брианна. — На команды их делили только для того, чтобы увидеть, как каждый участник относится к соратникам, способен ли он помочь другому или же будет спасать свою шкуру. Оглянись, здесь собрались командиры и полководцы со всего Алафея. Каждый из них пристально наблюдает за выжившими, ведь они ищут лучших для своей армии.

Участники в полной тишине переглядывались, не решаясь двинуться с места. Многие впервые видели пура. Один бедолага, тот, что стоял к двери ближе остальных, резко бросился бежать к ней, и нечисть тут же его настигла. Пур зажужжал, окружил его с ног до головы, и через миг в пепел свалились обглоданные кости, а нечисть снова бесшумно застыла.

Итан с опаской направился в сторону двери. Он двигался медленно, еле слышно, но в какой-то момент под его ногами раздался едва слышный треск обугленных деревяшек.

Элиона, которая все это время не отрываясь следила за ним, вздрогнула, крепко вцепившись в руку сестры.

Нечисть вновь зажужжала. Она медленно полетела к Итану. Арон, понимая, что другу грозит опасность, поворошил ногой пепел. Пур сменил направление. Соперники встревоженно переглянулись и принялись поочередно издавать звуки, отвлекая Пура, помогая друг другу двигаться к заветной двери.

Алана застыла не дыша, она пристально наблюдала за каждым неуверенным шагом брата, который вскоре оказался в ложе короля и наградил ее довольной ухмылкой.

В конце состязания в королевском ложе стояли семнадцать выживших, которые по праву считались победителями. Регент юного короля с жадностью взглянул на смельчаков, после чего уверенно поднял руки, призвав зрителей к тишине, и как только открыл рот, чтобы произнести речь, в воздухе послышался свист. С одной из трибун в его сторону мчалась раскаленная стальная стрела, охваченная пламенем. К счастью, цели она не достигла — стрелу на лету поймал Арон. Следом за первой устремилось еще несколько стрел. Они вонзились в деревянный пол возле ног регента, тот яростно окинул беглым взглядом трибуны, но стрелы полетели с разных сторон, словно пламенный дождь. Началась паника. Люди толпились, пытаясь как можно скорее покинуть центральную площадь. Юного короля спешно уводили стражники, прикрывая огненными щитами. Воины Огня рассредоточились по территории, пытаясь противостоять внезапной атаке.

Воины Грома непринужденно спускались с трибун, призывая с неба капли дождя, чтобы погасить разбушевавшееся вокруг пламя.

Арон бросился к девушкам, отбиваясь от огненных стрел.

В какой-то момент на арене появились люди в плащах темно-коричневого цвета. Из их рук вырывались раскаленные иглы. Они направляли их в сторону бегущего регента.

Воины Грома призывали ладонями ветер, который поднимал почерневшие от сажи камни арены и швырял их в непрошенных гостей.

Арон подбежал к девушкам, которые пытались слезть с трибуны, первый ярус уже охватило пламя. Элиона неуверенно прыгнула через огонь, тут же оказавшись в руках брата.

Внезапно со спины к Арону полетел один из камней из стены. Он едва успел увернуться, а камень влетел в опору трибуны, сломив ее пополам.

— Ну же... быстрее! — закричал Арон, протягивая руки Алане, призывая ее прыгать.

В то же мгновение послышался громкий треск дерева, трибуна под ногами девушек пошатнулась, и подмости начали стремительно рушиться.

Потеряв равновесие, Брианна полетела вниз. Она упала на сломанные деревянные брусья, распоров колено и бедро. Попыталась встать, преодолевая боль, но нога оказалась зажата в тисках сломанных частей конструкции.

— Уводи Элиону... — прокричала брату Алана, после чего, уворачиваясь от стрел, принялась спускаться по уцелевшим балкам, намереваясь спасти подругу.

Помедлив, сыпля проклятья, Арон все же поволок Элиону прочь с площади.

Оказавшись около Брианны, Алана попыталась разжать ее ногу, стараясь отодвинуть массивный деревянный брус, но ей не хватало сил. Вдруг из ниоткуда рядом с ней появились два воина Грома. Они с легкостью убрали балку и так же легко швырнули ее в сторону. Один из них взял Брианну на руки и поспешил покинуть подмости. Второй схватил Алану за запястье и поволок вслед за собой. Спустя мгновение каменные ступени несли их вниз к улицам города.

Оказавшись внизу, они побежали в северную часть Котедама в надежде скрыться от сражения, но улицы также погрязли в столкновениях. Огненные стрелы время от времени бились о камень возле их ног, издавая громкий звон. Алана что есть сил пыталась бежать, украдкой замечая, как с платья Брианны сочится кровь, оставляя за собой след на светлом камне мостовой.

Вскоре у северных ворот показался Арон с группой других воинов Грома.

— Слава Богам, вы живы... — обеспокоенно выдохнул он, убеждаясь, что Брианна в сознании. — Воины сопровождают вас до дома...

— Что происходит? — изможденно прошипела Брианна.

— Бунт... — суровым голосом ответил Арон, усаживая Элиону на лошадь к одному из воинов.

— А как же ты? — заметив, что брат вовсе не собирается покидать город вместе с ними, встревожилась Алана. — Неужели ты останешься? — забеспокоилась она, не обращая внимания на то, что воин усаживает ее на лошадь.

— Я должен... — ответил Арон, после чего поднял с земли щит с мечом, хозяин которого, возможно, был уже мертв, и направился в сторону площади, а Алане оставалось лишь с тревогой провожать брата.

Вскоре за ее спиной уселся воин, и она тут же почувствовала глубокий освежающий запах. Запах, похожий на тот, что насыщает воздух перед грозой, тот, что появляется, как только первая капля касается земли. Воин ударил ногами бока лошади, и они отправились в путь.

Воины Грома неслись, увозя девушек прочь от стен крепости под крики людей и свист пламенных стрел. Брианна с каменным лицом вцепилась в руку воина, что крепко удерживал ее от падения. Ее бордовое платье отливало свежими подтеками крови. На лбу блестели капельки

пота, она терпела боль, пытаясь держаться. Воины не говорили ни слова, они не обращали никакого внимания на тревоги подруг, продолжая усердно гнать лошадей.

Стемнело. Они свернули на дорогу, ведущую на север, и оказались в границах Черного леса. На небе появился зловещий полумесяц, ознаменовав своим сиянием начало ночной охоты нечисти. Сквозь топот копыт слышались странные звуки, доносившиеся из глубины леса, вызывая неясное сияние в ножах воинов, Элиона с полными страха глазами оглядывалась по сторонам.

Воин, что сидел за спиной Аланы, стремительно накинул ей на плечи тяжелый черный плащ, укутав ее им как одеялом.

Приближающееся к ним шипение заставляло сердце Аланы ускоряться. Оно буквально выпрыгивало из груди. От страха она вонзила ногти в руку воина, на что тот лишь крепче прижал ее к себе, заставив почувствовать всю сталь своего тела.

Кровь из раны Брианны не останавливалась. Она начала терять сознание, а ее обмякшее тело повалилось на грудь воина, заставив всадника прибавить ходу.

Вскоре вдалеке показались факелы у границы селения Весны. Минувя южную заставу, они вышли на распутье. Воин, державший Брианну, сурово посмотрел на Алану, на что она молча указала рукой в направлении дома Кираны.

Воины сопроводили их в дом. Уложив Брианну на кровать и убедившись, что девушки в безопасности, они поспешили удалиться. Кирана тут же принялась врачевать бездыханное тело дочери, не обращая никакого внимания на сестер Грин.

— Она потеряла много крови... — дрожащим голосом проронила Алана.

Элиона растерянно смотрела на Брианну, с трудом осознавая, что произошло. Она словно застыла на месте, увидев обнаженную ногу подруги, бедро которой походило на только что освеженный кусок туши.

— Идите домой... — раздраженно бросила Кирана, украдкой взглянув на Алану. — Вы мне будете только мешать.

— Она выживет? — со слезами на глазах спросила Алана.

Кирана окинула ее строгим взглядом и принялась выпроваживать сестер из дома, после чего громко хлопнула дверью, оставив их посреди улицы. Алана, пытаясь унять тревогу, схватила остолбеневшую Элиону за руку и быстро, спотыкаясь, направилась в сторону дома, утирая катившиеся по щекам слезы.

3

Утром следующего дня, в тишине каменного коридора дворца Грома, сквозь треск небольших молний, что освещали его своим мерцанием с уступов стен, эхом раздавались шаги. Дюжина воинов в черных кителях спешили, двигаясь твердой уверенной походкой мимо стражи, не обращая на них никакого внимания. Они возбужденно занимали места за большим гранитным столом внутри помещения, скрывающегося за телами высоких каменных колонн, за которыми виднелся розовый цвет вишни королевского сада, что насыщал воздух своим сладковатым ароматом.

— Мы должны что-то предпринять, — озадаченно сказал один из воинов. — Разведка донесла, что он задумал разыскать чакрам... Что, если ему это удастся?

— Что ты предлагаешь? — спросил другой воин с невозмутимым спокойствием на лице.

— Нам нужно остановить это безумие... — отвечал один из воинов. — Что мы будем делать, если Регент пустится в бега, прихватив с собой мальчишку, бунтовщики захватят Котедам, а затем и весь Булливан? Мы должны остановить это во что бы то ни стало...

— Разведке так и не удалось узнать, где он скрывается... — прервал другой.

— Доверьте это дело мне, — прозвучал холодный стальной голос. — Мы уже обсуждали это, а теперь настало время действовать.

Воины озадаченно посмотрели на того, кто это сказал.

— Киллиан, я говорил тебе это в прошлый раз и повторяю снова: это плохая идея! — возразил ему воин с невозмутимым спокойствием на лице.

— Григор прав! Что мы будем делать, если об этом кто-нибудь узнает? — разъяренно возмутился воин с хриловатым голосом. — Что скажет твой отец?

— Отец об этом не узнает... — твердо парировал Киллиан. — Никто, кроме сидящих за этим столом, об этом не узнает! Я возьму в жены деву, и она приведет меня к нему...

— Готов отправить невинную девушку на погибель? — в недоумении спросил его Григор.

— Прекрати, Григор! — прервал его кто-то из присутствующих. — Шестнадцать лет назад ты уже пожалел одну «невинную». И к чему это привело?

— Как бы странно это ни звучало, — озадаченно протянул его сосед, — но, возможно, Киллиан прав и это единственный способ его разыскать.

— Я тоже считаю, что следует попробовать... — отозвался кто-то.

— Да вы все с ума посходили! — взъелся воин с хриловатым голосом, едва сдерживая свою злобу. — Если что-то пойдет не так, Грому и сотни лет не хватит, чтобы отмыться от позора!

— Я все решил! — твердо грозным тоном ответил ему Киллиан, пронизывая оппонента холодным взглядом.

— Глупый мальчишка! — продолжал возмущаться воин с хрилым голосом. — Да что ты можешь решать!

— Знай свое место, Рамус! — сурово возразил ему самый старший воин, чье лицо было испещрено морщинами. — Не забывай, кто перед тобой! Если ты принял решение, — обратился старец к Киллиану со стальным голосом, — мы его одобрим, но помни, Киллиан, у тебя нет права на ошибку. Если что-то пойдет не так, начнется война, которую мы будем не в силах остановить... — сказал он с тревогой во взгляде.

— Я сделаю все, что требуется, чтобы защитить свой род, — уверенным тоном сказал Киллиан, после чего резко встал и твердой походкой скрылся в одном из коридоров, прятаясь за каменными колоннами.

Проводив его взглядом, оставшиеся воины напряженно замолчали, но они даже не догадывались о том, что их странный разговор слышал еще один человек.

Все это время за одной из колонн, опасаясь быть обнаруженной, робко пряталась девушка, которая случайным образом оказалась в королевском саду этим утром и стала невольным свидетелем явно тайной встречи. Когда-то она жила в селении Весны, а теперь была девой одного из воинов, что сидел за этим столом. Девушка прильнула спиной к телу колонны едва дыша. Она совершенно не понимала, о чем шла речь, но зная о безжалостности воинов Грома, не рискнула раскрыть свое нахождение.

Прошло около месяца после странных событий в Булливане. Брианна провела две недели без сознания, но Киране удалось ее выводить. Мать не пускала к дочери ни одной живой души, а иногда из их дома слышались пронзительные крики Брианны, которая пыталась побороть свою боль.

Арон вернулся спустя неделю и рассказал, что события, произошедшие в день состязания, устроили взбунтовавшиеся воины Огня, которые не желали подчиняться воле регента. Тогда удалось поймать несколько бунтовщиков, но они отказывались выдавать своих соратников и предводителя даже под угрозой смерти.

После состязания Арона приняли караульным в Котедаме. Он, как и хотел, занял достойную должность, получив хорошее жалованье, и через несколько дней покинул родной дом. Итана направили караульным в Эдельвейс — столицу Лизадора, королевства, что граничило с Гроденом на востоке. И вскоре он тоже должен был покинуть селение Весны, отчего Элиона впала в уныние.

Близился праздник «Красной ночи», и все жители селения усердно готовились к гуляниям, собираясь на ярмарки и представления.

В древние времена в этот день проводили особый ритуал. Девушки наряжались в красные сарафаны, распускали волосы и украшали их венками полевых цветов с красными лентами. В полночь девушки водили хоровод, и по окончании танца мужчины забирали с их голов венки, после чего девушки становились их женами.

Сейчас же «Красная ночь» была всего лишь праздником, на котором развлекалась молодежь без какого-либо серьезного смысла.

Алана была встревожена событиями, что пронеслись по Булливану, и ее смущала оживленная суматоха, но жизнь шла своим размеренным ходом.

После работы в ателье Алана, как и каждый день прежде, отправилась к Киране в надежде увидеть Брианну и в очередной раз услышать от ее матери всевозможные упреки по поводу своего появления на пороге их дома. Но сегодня, к удивлению Аланы, Кирана не сказала ей ни слова и с недовольным лицом проводила ее на задний двор.

Там, под покровом белых цветов черемухи, сидела Брианна. Девушка плела венок для «Красной ночи», что должна была состояться уже вечером. Румянец на ее лице свидетельствовал о выздоровлении. Она медленно обернулась, и как только заметила подругу, к ее глазам подступили слезы. Брианна неуверенно приподнялась, прихрамывая на правую ногу. Алана, не в силах сдерживать свои чувства, ринулась к подруге и сковала ее в объятия.

— Наконец-то... — прошептала она.

— Я уже неделю провожу время вне своей кровати, но мама не позволяла мне покидать стен дома... — взволнованно говорила Брианна, словно пытаясь оправдаться.

— И правильно, она вырвала твою душу из рук смерти, — пробормотала Алана, внимательно осматривая ее с ног до головы, придерживая за плечи.

— А сегодня она разрешила провести вечер с тобой... — с огоньком в глазах продолжила Брианна, чем вызвала на лице Аланы невольную улыбку.

— Только без глупостей! — послышался строгий голос Кираны. — Второй раз боги не будут со мной так любезны. — Травница показала на пороге дома, обтирая какую-то склянку ветхим полотенцем. — Идите уже... — недовольный тоном сказала она. — Может, хоть мужа себе найдешь...

— Вот еще! — фыркнула в ответ Брианна. — Уж лучше буду старой девой, чем выйду замуж...

— Ох... божье наказание! — сокрушалась Кирана. — Ох, не зарекайся...

— Все мужчины — напыщенные пустозвоны... — перечила Брианна. — Они следуют за каждой юбкой, как осел за морковкой...

— Придет день, Брианна, — тихим строгим голосом ответила Кирана, — ты согласишься в глаза одного из них и пожалеешь о сказанном.

В ответ Брианна скорчила гримасу, закатив глаза. Алана взяла ее за руку и поспешила увести подругу из дома, пока мать не посадила ее под замок за острый язык.

Весь вечер девушки болтали, сидя на лугу в чарующих оттенках сиреневого цвета иван-чая. Ветер то и дело укутывал их в сладковатый аромат лип, что доносился с ближайших садов, одаривая кожу их лиц вечерней прохладой, пробиравшейся сквозь теплые лучи закатного солнца.

Подруги попивали вино, которое Брианна незаметно стащила из дома, заранее припрятав его в подоле юбки. Они с интересом наблюдали, как вдалеке, внутри поля, кружит народ около праздничных деревянных арок. Каждую арку украшали букеты весенних цветов, перевязанные разноцветными лентами, развивающимися яркой палитрой в вечернем ветре. Вокруг них метались магические огоньки, что оставляли в воздухе теплое золотистое сияние, которое в скором времени растворялось, а затем снова появлялось.

У арок выстроились музыкальные инструменты, бойко ведя спор друг с другом, настраиваясь на нужный лад. То были вещицы, что изредка встречались на ярмарках Алафея, и в музыкантах не нуждались. Подобные инструменты имели большую ценность, ведь они были наделены таинственной силой одного из павших богов и издавали разнообразные мелодии без участия человека.

Поодаль располагались небольшие деревянные столики, накрытые знаменитыми скатертями. На первый взгляд, столы пустовали, но стоило подойти к одному из них, как он тут же являл гостю то, чего желала его душа.

— Как ты вообще? — тихо спросила Алана, всматриваясь в суматоху праздника.

Брианна потягивала вино прямо из горла бутылки, сидя в цветах, из которых ее едва было видно. Ее умиротворенный взгляд был направлен в горизонт, готовый вот-вот жадно поглотить алый круг солнца.

— Это странно... — тихо ответила она.

— Что ты имеешь в виду? — перевела заинтересованный взгляд на подругу Алана.

Лицо Брианны стало мрачным, а в глазах показался отблеск страха.

— Я помню лишь, что очнулась и увидела напряженное лицо матери, — медленно начала она. — Кирана смотрела словно сквозь меня, словно не видя меня. Я пыталась выдавить из себя хоть слово, но не могла. Тело не слушалось, и было ощущение, что я заперта в каком-то сосуде.

Алана нахмурила брови в замешательстве.

— Знаешь, в какой-то момент я думала, что умерла, — едва слышно продолжала Брианна. — Я часами наблюдала за матерью, которая то и дело перебирала свои склянки со всевозможными снадобьями. Я не чувствовала ни боли, ни ее прикосновений, не чувствовала ничего вообще.

Брианна поставила бутылку на землю и подалась вперед.

Вечерний ветер обдувал ее медные пряди, которые цеплялись за цветы в венке, обнажая длинную белую шею. Карамельные глаза отливали холодом.

— А затем она застыла на месте, пристально посмотрела на меня, и я поняла, что она опустила руки, она сдалась. В ее глазах читалась тревога. Я не понимала, что происходит. Комнату наполнило странное серебристое свечение.

— Это было действие отвара? — пришла в замешательство Алана.

— Нет... Я не знаю, что это было, я смутно помню ту ночь, — задумчиво пробормотала Брианна. — После этого я словно парила в какой-то бесконечной тьме...

— Это всего лишь твоя фантазия, — усомнившись в ее словах, мягко перебила Алана. — Быть может, это был просто сон, который ты не смогла отличить от реальности...

Брианна, допуская, что подруга может быть права, с досадой вздохнула, потянувшись за бутылкой, но вдруг резко отпрянула назад, а в ее глазах показался страх.

— Что такое? — оторопев, спросила Алана, заметив, как Брианна тревожно всматривается в землю между ними.

— Смотри же... — тихо проронила она не дыша.

— Брианна, ты меня пугаешь...

— Тень... — прошептала она.

Алана в недоумении проследила за взглядом Брианны и увидела на земле темное пятно. В какой-то момент оно странным образом сдвинулось с места и словно затаилось.

— Ты ведь тоже это видишь? — обеспокоенно спросила Брианна, крепко ухватившись за руку подруги, не сводя взгляда с этого странного пятна.

— Да... — озадаченно ответила Алана, с опаской подавшись вперед, чтобы лучше его рассмотреть.

Алана настороженно потянула руку к земле, но тень тут же отпрянула назад, опрокинув бутылку. Вино заструилось из горлышка, заливая землю, а тень тут же исчезла.

— Боги! Скажи, что я не сошла с ума... — оторопев, пробормотала Брианна.

— Если и так, то твое сумасшествие заразно... — прошептала Алана. Она все еще всматривалась в место, где только что видела необъяснимое.

— Последнее время со мной происходят какие-то странности, вроде того, что ты видела сейчас, — с тревогой в глазах сказала Брианна.

— Быть может, мы слишком много выпили? — Алана пыталась воззвать к разуму, ощупывая влажную от пролитого вина землю.

— Ты не понимаешь... — нахмурилась Брианна, — сегодня упала эта проклятая бутылка, а три дня назад мне показалось, что моя тень оторвалась от земли и встала прямо передо мной во весь рост, горло заполнил такой ком, что я не могла вымолвить и слова.

— Может, это последствия трав?

— Я не пью отвары уже неделю... Все изменилось после того дня, когда я свалилась на трибуне, после той ночи, когда мне казалось, что я умерла.

— Быть может, к тебе прицепилась какая-нибудь нечисть? — спросила Алана, гадая, привиделось ей все это или нет.

— Две нечисти для нашего селения многовато... — пролепетала Брианна, подавшись назад, падая в цветы.

— О чем это ты? — удивилась Алана, сморщив лоб и широко распахнув глаза.

— Утром к матери приходили караульные, — непринужденно ответила Брианна, отстраненно всматриваясь в праздничные арки в глубине поля. — Они просили отвары... Говорили, что сегодня будет охота...

— Бред... — бросила Алана. — Будь это правдой, старейшина бы не позволил праздника. Брианна сорвала ближайшую травинку и принялась нервно грызть ее стебель.

— Не знаю... они выглядели напряженно... — продолжала она. — Говорили, что в наших землях завелась очень опасная тварь.

— И какая же нечисть почтила нас своим присутствием? — иронично протянула Алана с ухмылкой на лице.

— Гоен, — тихо ответила Брианна, настороженно взглянув на Алану. — Караульные говорили, что уже несколько дней эта нечисть рыщет по черному лесу... Они не раз прогоняли его, но по какой-то причине он каждую ночь возвращается...

Алана нервно сглотнула, с опаской посмотрев в сторону черного леса.

Гоены, нечисть среднего порядка, обычно обитали в обычных лесах, скрываясь в листве. Но в Чёрном лесу их никогда прежде не встречали. Гоены питались исключительно людьми, и чаще всего их добычей становились дети. Они были размером с большое дерево, а их тощее тело напоминало сгнившую кору с запахом болотной тины. Они имели тонкие ветвистые руки. Их длинные, худые пальцы заканчивались острыми когтями, которые могли распороть живот одним взмахом. Своим ртом, усеянным зубами, похожими на деревянные колья, они издавали будоражащие душу звуки, напоминавшие рев дикого медведя, только этот рев оглушал, заставляя жертву застыть на месте. Несмотря на свое естество, гоены были пугливы и уходили, как только замечали опасность. Однако, если кто-то все-таки сталкивался с ними, единственное, что могло спасти несчастного, — это немедленное погружение в воду, потому как гоены отчего-то боялись воды и предпочитали скрыться в поисках другой добычи.

— Нужно срочно найти Элиону! — забеспокоилась Алана.

— Перестань... Сколько можно ее опекать... Она уже взрослая и может о себе позаботиться... Сама подумай, утром я видела Итана, он приехал навестить мать... Наверняка Элиона опять тайком гуляет с ним.

— Я должна найти ее... С Итаном или без, но она проведет эту ночь под моим присмотром! — твердо сказала Алана, решительно вставая.

— Ты серьезно? Ты пойдешь ее искать? Сейчас?

— Мы пойдем вместе... — упрямылась Алана, отряхивая праздничный алый сарафан.

— Мать убьет меня, если я не вернусь домой до полуночи... — пробурчала Брианна, неуклюже поднимаясь на ноги.

— Значит, я провожу тебя, а затем отправлюсь за Элионой.

В упрямстве Алане не было равных, и Брианна хорошо понимала, что подруга уже все решила и слушать больше ничего не станет. Ей ничего не оставалось, как ухватиться за настойчиво протянутую руку и отправиться в сторону дома.

Проводив Брианну до калитки, Алана поспешила в направлении поля, на котором повсюду шли гулянья.

— Я приду к тебе утром! — крикнула Брианна ей вслед, маша на прощание.

В шелесте колыхающейся на ветру травы эхом доносилась увеселительная мелодия струнных, манившая молодежь в танец. Солнце утонуло за горизонтом, разливая красное полотно поверх лениво плывущих облаков, отчего алый сарафан Аланы приобрел более насыщенный оттенок.

Высокая трава прятала шедшую по узкой тропинке Алану в глубине зеленого цвета, цепляя острыми краями колосьев развивающиеся на ветру пряди русых волос, словно пытаясь остановить.

Алана приближалась к месту праздника. Сквозь медленно струящиеся в воздухе ленты, она всматривалась в лица увлеченных разговорами знакомых. Мелодичные ноты заглушали залихватский девичий смех. Детвора с азартом гонялась за светлячками, оббегая танцующие в центре арок пары.

Алана смотрела на все это и ловила себя на мысли, что это та самая настоящая жизнь, жизнь, к которой она будто непричастна. Конечно, она часто бывала на подобных мероприятиях, но отчего-то не испытывала на них радости. Алане всегда казалось, что она будто остается в стороне.

Когда Алана была уже у самых арок, ее заприметила пара знакомых. Они помахали ей, зазывая к себе. Алана направлялась к ним, как вдруг услышала за спиной, что кто-то насви-

стывает знакомую ей с детства мелодию. Она невольно обернулась и поймала на себе взгляд черных как ночь глаз. Перед ней стоял Тэан Ландерс, которого она знала всю свою жизнь. В детстве Алана часто проводила время с братом в его компании.

— Неужели гордая королева решила почтить простых обывателей своим присутствием? — с издевкой и непринужденностью прозвучал низкий бархатистый голос.

Алана растерянно смотрела на него, не находя ответа. Она не видела его несколько лет, и его внезапное появление сбило ее с толку.

Тэан, как и его братья, были воинами Огня, но, в отличие от них, он этим не кичился.

Их мать была из рода Горцев с королевства Коро, чьи черты унаследовали все сыновья. Они имели удивительную внешность. Люди, не знавшие, что перед ними воины Огня, принимали их за Горцев и с удивлением изучали, гадая, что же они делали в здешних землях, так далеко от дома.

Мужчины Горцев отличались высоким ростом и подтянутым телом, а женщины обладали изящной фигурой и маленькими треугольными лицами с аккуратным подбородком. Они имели тонкий нос и высокую переносицу. Но самым удивительным были их глаза, с характерным разрезом. Их взгляд напоминал лисий, и это придавало Тэану какую-то манящую таинственность.

Его слегка полные губы имели четкий контур. Мимика его лица была настолько выразительной, что порой Алане казалось, будто Тэан обладает множеством лиц. А от его улыбки на душе всегда становилось теплее. Его темные, блестящие волосы крупными волнами закрывали лоб, слегка касаясь широких бровей, скрывая бездонные темные глаза, в которых появлялась золотистая, едва заметная, огненная радужка, когда эмоции брали над ним верх, что случалось очень часто.

Будучи юношей, по окончании учебы в Котедаме Тэан каждое лето проводил у своей бабушки, что жила неподалеку от Аланы, а когда ему исполнилось шестнадцать, его приняли в ряды воинов Огня, и после этого Тэан стал реже бывать в этих землях.

— Гордая королева пришла посмотреть, как знаменитому Тэану Ландерсу начистят морду, — опомнилась Алана. — После того как он в очередной раз будет кадрить девчонок в своей вульгарной манере... — язвительно закончила она, окатив его надменным взглядом, что ей удавалось превосходно.

Услышав их пререкания, стоявшие у арок подвыпившие парни принялись с насмешкой освистывать Тэана, на что тот, словно принимая свое поражение, широко улыбнулся и приобняв Алану за плечи.

— Как же я скучал по твоим надменным ухищрениям, — прошептал он, склонившись к ее уху, уводя к празднику. Он был так близок, что Алана тут же почувствовала едва уловимый манящий теплый пряный аромат.

— Три года... — возмутилась она, слегка ударив его локтем под ребро. — Как ты мог вернуться и не дать о себе знать?

— У меня были неотложные дела... — с прищуром в глазах усмехнулся он, ухватив со стола кружку пива и подняв ее, оценивая стоящую вдалеке девушку, очарованную его мимолетным взглядом.

— Да кто бы сомневался... — процедила Алана, закатив глаза, заметив столь откровенный вульгарный флирт. — Ты просто невыносим...

— Тебе это не нравится? — спросил Тэан, явно переигрывая.

— Это отвратительно... — поморщилась она.

— Для здоровья полезно, — с сарказмом в голосе возгордился он.

Обмениваясь колкостями с другом детства, Алана всматривалась в толпу, выискивая сестру.

— Ты не видел Элиону?

— Пару часов назад она была с Итаном. Я думал, они направляются сюда... — непри-
нужденно отвечал он, попивая пиво. — Но, как видишь... Ты первая.

— Если она появится, скажи, чтобы срочно шла ко мне домой, — сухо попросила Алана.

— Что-то случилось? — Голос Тэана резко изменился, от былой игривой непринужден-
ности не осталось и следа. — Мне стоит переживать?

— Нет, у тебя есть куда более важные дела этой ночью... — скинув его руку со своего
плеча и бросив взгляд на девушку, что усердно строила ему глазки, возразила Алана и, не дожидаясь его реакции, пошла прочь.

— Но... Куда ты? — крикнул ей вслед Тэан.

— Не твое дело! — обернувшись на ходу, бросила Алана.

Тэан смотрел, как она уходит, но так и не пошел за ней. В его взгляде отразилось разо-
чарование, он корил себя. Он, не желая уступать Алане в сказанных гадостях, в очередной раз
дал ей понять, что она для него не так важна. Даже спустя три года ничего не изменилось. Она
по-прежнему оставалась несносной надменной девчонкой, которая уходит, а он смотрит ей в
спину, даже не пытаясь остановить.

Покинув место праздника, Алана вышла на проселочную дорогу, пересекающую поле на
две части. Дорога вела в сторону черного леса, а затем уходила вдоль него, уводя в липовый
сад, где так любила уединяться Элиона.

Луна уже засияла холодным светом в темном небе, ветер обдавал прохладой усталую
землю, поднимая с ее поверхности теплый воздух. Здесь уже не слышались звуки веселья.
Ночную тишину нарушали лишь песни кузнециков и разговоры сверчков, бурно обсуждающих
все происходящее.

К затворкам души пробиралось тонкое неприятное чувство обиды. Обиды на Тэана. И
ее обидело даже не то, что он с такой легкостью показал ей свое пренебрежение. Тэан заставил
ее ощутить то, что она в очередной раз осталась в стороне. Алана шла, пытаясь не думать о
том, что произошло, с опаской поглядывая в сторону леса.

Селяне старались не выходить в Черный лес ночью, впрочем, и днем он не особо манил
к себе на прогулку. Черный лес кишел мелкой нечистью, которая принималась за свои дела
с наступлением темноты. Местная нечисть не была столь опасна, как Гоены, но встреч с ней
люди старались избегать.

Двигаясь по дороге вдоль леса, Алана с опаской всматривалась в густую листву деревьев.
Пару шагов в сторону, и она бы оказалась в чаще, откуда тянуло жутковатым холодом, наполняя
грудь чувством тревоги.

Послышался странный треск сухих ветвей, словно кто-то наступил на хворост.

Алана вздрогнула. Она ускорила шаг, но странный треск раздавался снова и снова, будто
кто-то медленно идет за ней. Она чувствовала, что из глубины этого ужасающего тьмой леса
за ней кто-то наблюдает.

В какой-то момент Алана осознала, что ее окружила мертвая тишина. Пытаясь совладать
с дрожью, Алана побежала. У нее перехватило дыхание. Она бежала, стараясь не вглядываться
в быстро пролетающие мимо стволы деревьев. Казалось, будто во тьме между ними что-то дви-
жется, а может, и не казалось. Сердце стучало так сильно, словно пыталось вырваться наружу,
спастись, покинуть охватившее страхом тело.

Внезапно в густой листве что-то мелькнуло. Что-то пронеслось впереди нее и перемет-
нулось на поле. Алана резко остановилась. Она всматривалась в высокую траву, пытаясь раз-
глядеть, что же это было.

Разум подсказывал, что нужно убираться отсюда как можно скорее, но ужас будто овладел
ей, подчинил, и она не могла даже пошевелиться.

Внезапно послышался характерный звук сминающихся стеблей, из травы к ней прибли-
жалось нечто. Нечто большое и отвратительное. Ветер обдал ее холодным запахом гнили, от

которого к горлу подступил ком тошноты. Мерзкая нечисть проревела, отчего мысли Аланы рассеялись по закоулкам рассудка. Она часто задышала, грудь стала ритмично двигаться в такт биения сердца.

Ей казалось, что она вот-вот закричит, но из нее лишь вырвался хриплый шепот:

— Гоен...

4

Алана замерла, а в ушах застыл гул, заглушая все звуки вокруг. Она не слышала ничего, она лишь смотрела, как к ней медленно приближается смертоносная нечисть.

С острых гнилых зубов Гоена капали густые слюни, орошая мерзкой слизью землю. Он разгребал траву, обламывая ее стебли своими противными тонкими пальцами. Он шипел, предвкушая манящий вкус ее плоти. Он словно чуял запах ее страха.

В голове Аланы была пустота, как вдруг ее нарушил внутренний голос разума: «Нужно бежать, бежать так, как ты не бегала никогда в жизни».

Алана не успела очнуться, как перед глазами начали проноситься кривые стволы деревьев Черного леса. Длинные ветки с колючей хвоей хлестали ее по лицу, оставляя кровавые полосы на щеках, будто желая привести в чувства. Ноги просто несли ее вперед, в самую глубь кишашего нечистью леса. Алана лишь чудом успевала вылавливать самые узкие ходы между деревьями. Она бежала не оглядываясь. Едва к ней стал возвращаться слух, как позади вновь раздался истошный рев, оглушая все живое вокруг, но она уже была далеко. Ноги несли ее еще быстрее, Алана их практически не чувствовала. Ей казалось, что она вот-вот упадет, споткнувшись о ветки, которые, как ловушки, лежали на земле, грозя вцепиться за ноги.

Алана, задыхаясь, жадно хватая воздух, на мгновение обернулась, но увидела лишь движущуюся вдалеке листву. Она бежала, продолжая мысленно себе твердить: «Беги, беги, беги, не останавливайся», а в голове прокрадывалась мысль, что если она сбавит ход, то Гоен тут же ее настигнет.

Даже небо благоволило печальному исходу. Вечернее покрывало облаков превратилось в сгусток мрачных туч, готовых вот-вот обрушить мощный ливень. Порывистый ветер поднимал над землей пыль, нарушая ее покой, насыщая воздух запахом сырой листвы. Он приводил Алану в чувства, обдавая своими холодными порывами.

Вскоре вдалеке, сквозь стволы деревьев, показалась пустота. Алане хватило мгновения, чтобы остановиться и не свалиться в пропасть — или то, что ей ночью показалось пропастью.

Она обернулась, ища, куда спрятаться, и на глаза попался огромный тополь. Недолго думая, Алана запрыгнула на его широкий ствол, как белка, крепко вцепившись пальцами в борозды коры, оставляя на ней кровавые следы.

Алана забралась так высоко, что смогла увидеть вдалеке свое селение. Одним богам было известно, как глубоко в лесу она находилась.

Она залезла еще выше, в место, где ствол расходился на три части, образуя подобие чаши.

Едва переведя дыхание, она вновь услышала устрашающий рев, который резко оборвался. Алана растерянно всматривалась сквозь ночную тьму вниз.

Постепенно тучи рассеялись, уступив небо лунному сиянию с россыпью звезд. Лес снова зажил своей жизнью, шурша листвой, но Алана не решалась спускаться. Кто знает, что еще таит в себе это место ночью. Страх не покидал ее, но ей ничего не оставалось, кроме как дожидаться восхода солнца.

Несколько часов Алана с беспокойством вглядывалась в манящую черноту неба. Ветер убаюкивал ее шумом своего ночного танца, и не в силах бороться, Алана уснула крепким сном.

Сон, она снова видела свой кошмарный сон, серую мглу с нескончаемой жгучей болью.

— Проклятье... — выругалась она, резко вскочив и чуть не свалившись с дерева.

С трудом очнувшись от сна, Алана потянула руки к глазам, и как только коснулась ладонями лица, его обдало жаром, словно от раскаленной стали. Боль, жгучая боль сковала все лицо.

Алана не узнала своих рук. Ее ногти были багрово-красного цвета. Запекшаяся кровь попеременно с кусочками коры напоминала загнанное под ногти коричнево-красное стекло. Они страшно зудили острой болью от прикосновения.

— Чертов Гоен... Чтоб тебя поглотил туман топей! — возмущалась она, еле сдерживая слезы, неуклюже копошась, намереваясь слезть с дерева.

В то же мгновение ее живот свело от увиденной высоты, на которую она с такой жадностью взбиралась ночью, после чего ее вытошнило.

Она сидела на вершине дерева, всматриваясь сквозь зелёную листву. Внизу, неподалёку, располагалось большое озеро, которое Алана в ночной темноте приняла за пропасть.

— Проклятье! — бормотала она, крепко вцепившись руками в дерево. — Алана! Проклятье...

Тёмно-синяя гладь переливалась блеском в солнечном свете, издавая едва уловимую слухом чарующую мелодию. Она эхом доносилась до ушей, словно её напевал грустный женский голос, зовя погрузиться в прохладу.

При виде озера у Аланы пересохло во рту. Свежий утренний воздух будто царапал ее горло, оставляя за собой мучительную жгучую жажду. Алана как замороженная принялась спускаться, намереваясь испить живительную воду.

Она медленно сползала по стволу, хватаясь руками за ветки, прощупывая ногами опору. Она двигалась осторожно, стараясь не смотреть вниз.

Вскоре она перестала чувствовать ветки под ступнями. Алана испуганно заозиралась и обнаружила, что до земли оставалось совсем чуть-чуть, но на дереве больше не было ни единого выступа. Алана обхватила дерево ногами и руками и соскользнула вниз, а морщинистый ствол щедро наградил ее подбородок ссадинами.

— Отлично... — скривившись в лице, выдохнула она, ступив на землю, настороженно оглядываясь по сторонам.

Алана оказалась на краю густого леса, а перед ней, всего в нескольких шагах располагался высокий обрывистый берег, заросший кустами дикой ежевики. Она не удержалась перед пленительным вкусом этой темной ягоды и принялась срывать их одну за другой, претерпевая боль в пальцах от касания, как вдруг сквозь простирающиеся ветви, внизу, в глади воды показался мужчина.

Алана, оторопев, отклонилась назад, плюхнувшись на землю. Она вдруг подумала, что этим мужчиной может оказаться нечисть, которая лишь принимает такой облик, привлекая беспечных девушек, что случайно забрели в этот лес. А может, это был плод ее изнеможенного страхом пережитого разума? Алана уселась на колени и осторожно раздвинула ветки, притаившись за кустом.

Мужчина стоял спиной по пояс в воде. Он зачерпывал ее руками, после чего омывал тело. Каждое его движение отличали грация и безмятежность, каждое его движение заставляло ее сердце биться чаще. Он был статен, как бог.

«О боги! Алана! Что ты творишь? — зывал голос внутри нее. — Перестань глазеть на него, как голодное зверье на свою добычу!»

Но Алана уже не могла остановиться. По низу живота пробегала приятная рябь, отчего ее дыхание замедлилось. Алана замороженно наблюдала, как вода струилась по телу незнакомца, скапливаясь в неровностях рельефа торса. Она, словно реки, огибающие горы, искала себе путь, стекая по очертаниям его крепких мышц, заставляя кожу переливаться в лучах утреннего солнца. У основания шеи тело украшала ветвистая татуировка, похожая на молнию. Казалось, она ударила по нему, протянувшись чёрными нитями к предплечью и руке, оставив после себя след в его венах.

По спине Аланы пробежал трепетный холодок. Внезапно она почувствовала, как ее бросило в жар. Дыхание практически остановилось. Алана словно окаменела.

Это был воин Грома, который, скорее всего, провел ночь в лесу в поисках Гоена или другой мерзкой нечисти.

В глубине леса за ее спиной послышалось фыркание лошади, заставив Алану опомниться. Воин резко обернулся в ее сторону. Алана едва заметила его лицо и в то же мгновение прильнула к земле. Это оказался тот самый воин, что вывез ее из Котедама. От страха быть обнаруженной, она хотела провалиться под землю, лишь бы исчезнуть отсюда прямо сейчас. Алане казалось, что воин заметил ее, что он узнал, что она за ним наблюдает. Вжавшись в усеянную острыми ежевичными шипами почву, которые тут же впились в ее колени сквозь ткань сарафана, она начала медленно отползать как можно дальше от обрыва, в надежде остаться незамеченной. Алана доползла до самого леса, уже среди стволов деревьев, будучи в полной уверенности, что незнакомец ее не увидит, Алана принялась подниматься с земли, как вдруг уперлась бедрами во что-то твердое.

Медленно обернувшись, она встретила с озадаченным взглядом Тэана. Он стоял, скрепив руки на груди, сапог его правой ноги как раз уперся в Алану. Он явно ожидал объяснений.

— Первоцвета надыхалась? — суровым тоном съязвил он.

Алана, осознав, как нелепо она выглядит, резко вскочила с земли.

— Ежевику собирала... — отстраненно сказала она, поправляя растрепанные волосы.

— Ежевику... — протянул Тэан. — А Гоен составил тебе компанию во время ночной прогулки?

— Не понимаю, о чем ты... — с притворным спокойствием ответила она, мысленно молясь, чтобы Тэан не заметил воина.

Друг молча смотрел на нее. Невзирая на всю непринужденность его вида, Алана хорошо понимала, что Тэан был сильно напряжен. Казалось, одно ее колкое словечко, и он взорвется.

Алана с виноватым видом, крепко сжимала ткань сарафана, надеясь, что его ярость не выйдет наружу.

— Я... Я переживала за Элиону... — начала оправдываться она. — Я не думала, что все так далеко зайдет, что мне придется спасаться...

Тэан глубоко вздохнул, крепко зажмурил глаза, словно стараясь успокоиться, после чего решительно схватил ее и потащил к лошади.

Они медленно двигались по лесу в направлении дома. Тэан молчал, но его молчание нагоняло жути еще больше, чем обитатели леса.

— Мне не хотелось тебя беспокоить... — с сожалением тихим голосом пробормотала Алана.

Тэан, резко дернув за поводья, остановил лошадь, отчего Алана чуть с нее не слетела.

— А я хочу, чтобы ты меня беспокоила!

Алана застыла не дыша, понимая, что Тэан в бешенстве.

— Когда ты уже оставишь свою гордость и это безрассудство... — продолжал он. — Ты должна была сказать мне!

Тэан говорил это с такой злостью, что Алана вжимала голову в плечи от каждого сказанного им слова.

— Я всю ночь тебя искал, опасаясь, что ты уже мертва! Ты понимаешь это?! Или нет?!

Высказав все, что накопилось в его душе за ночь, Тэан снова резко натянул поводья, и лошадь понеслась галопом. Алана, словно пытаясь успокоить друга, крепко схватилась за его запястье, на котором была повязана старая синяя лента. Она, словно заклиная дикого зверя, скользила кончиком пальца по потертому шелку, отчего-то веря, что это умалит его гнев.

Спустя какое-то время Тэан оставил Алану у ее дома и, не сказав ни единого слова, отправился прочь.

Едва переступив порог, Алану настиг шум и суeta. Мебель отчего-то недовольно бурчала. Алана тут же отправилась на поиски источника, задумчиво оглядывая дом.

Зайдя в кухню, она не поверила своим глазам. Шкафчики возмущенно фыркали, хлопая дверцами, ложки, дрожа, зажались в углу, тарелки звонко тряслись, а посреди всей этой суматохи стояла Брианна, которая, пыхтя, нервно уминала на столе несчастный кусок теста.

— Брианна... — обеспокоенно окликнула ее Алана. — Что ты делаешь?

— Ты же знаешь, когда я нервничаю, то делаю странные вещи, очень странные... — отозвалась Брианна, не отрываясь от своего занятия, даже не взглянув на подругу.

Брианна была разбита и подавлена, казалось, она едва держит себя в руках, и приход Аланы не избавил ее от мысли о наихудшем.

— Уничтожение кухни тебя успокаивает? — приближаясь к столу, мягко спросила ее Алана.

Брианна подняла на нее глаза и застыла от увиденного. Перед ней стояла грязная девушка со взъерошенными волосами, в которых торчали листья и кусочки древесной коры. На перепачканном кровью и грязью лице виднелись царапины. В мятом красном сарафане торчали сухие ежевичные колючки и репей.

Алана в недоумении невольно потянулась к своим волосам, в которых неожиданно для себя обнаружила сухие веточки, отчего Брианна истерично рассмеялась, позабыв о тревогах за подругу.

— Боги, Алана! — сквозь смех проговорила Брианна. — Ты саморучно убила Гоена?

Смех Брианны постепенно затихал, а на глазах показались слезы.

— Когда в селении объявили тревогу... Когда раздался рев Гоена... — ее голос задрожал, — я думала... Думала, что потеряла тебя...

— Любимая моя девочка... — Алана притянула Брианну к себе и принялась гладить по испачканным мукой волосам, которые выглядели сейчас ничуть не лучше ее собственных. — Со мной все хорошо, — тихо добавила она, приобняв подругу.

Алана вытирала катившиеся по щекам Брианны слезы, пачкая лицо подруги землей и мукой, а та нервно кивала, не сводя с нее глаз.

— Пойдем, — Алана, утерла нос Брианны чистым участком руки и бережно потянула ее за собой. — Нам нужно привести себя в порядок!

Не прошло и пяти минут, как подруги уже теснились в старом стальном корыте, наполненном горячей водой, прямо как в детстве. Брианна старательно пенила волосы Аланы, а та усердно терла себя щеткой, не обращая внимания на ворчание последней по поводу неряшливого вида своей хозяйки.

— Так что же с тобой произошло? — решилась спросить Брианна, украдкой разглядывая ссадины на щеках подруги.

Алана рассказала ей все в подробностях, исключая лишь незнакомца, которого увидела на озере. В конце истории Алана невольно отвела глаза в сторону, и Брианна заподозрила, что Алана что-то недоговаривает.

— И это все? — задумчиво протянула Брианна, наблюдая за реакцией подруги.

— Да... — отстраненно ответила Алана, блуждая взглядом по пузырькам мыльной пены.

— Алана, — Брианна медленно прислонилась к краю стального корыта, — я знаю тебя всю жизнь и вижу, что сейчас ты ведешь себя как детвора, которую застукали в амбаре с вяленным мясом. Что ты от меня утаила? — лукаво заулыбалась она. — Тэана не было всю ночь... Он действительно нашел тебя лишь утром?

— Чушь какая! — резко возмутилась Алана, поморщившись, едва представив, на что она намекает.

Она понимала, что Брианна не отстанет, поэтому, пока ее фантазии не разыгрались еще больше, сдалась и поведала о том, что повстречала воина Грома на озере этим утром, но умолчала о том, что этого воина они обе уже видели.

— Ну и что в этом такого? — отозвалась Брианна, когда Алана замолчала. — Они часто бывают на нашей заставе, — с разочарованием на лице скучающим тоном протянула она, передавая подруге мыло.

— Я видела его обнаженным! — выпалила Алана.

Кусок мыла тут же выскользнул из рук Брианны, и она уставилась на подругу в изумлении.

— Ах ты, грязная девчонка!

В глазах Брианны тут же вспыхнул азартный огонек. Она желала поскорее услышать продолжение.

— Так, значит, всю ночь, пока тебя искали, ты была с ним? — напирала она, с притворной безразличностью брызгая в подругу водой. — Удумала стать девой Грома?

— Вздор какой! — брызнула в ответ Алана, неумело скрывая свое смущение, отчего Брианна еще больше начала окатывать ее водой.

В глубине дома послышался звук открывшейся входной двери, и через мгновение в купальню ворвалась Элиона, отчего девушки невольно застыли. Она смотрела то на сестру, то на Брианну. Ее глаза сияли, она словно светилась изнутри. Алый сарафан был перепачкан соком травы, а венок в растрепанных волосах явно свидетельствовал о том, что Элиона провела эту ночь вне стен дома.

— Сестра... — залепетала Элиона, находясь в своих мечтах, явно далекая от происходящего ночью. — Ты... Ты... — Продолжила она, но так и не сумела сказать что-то вразумительное.

Складывалось ощущение, что Элиона и не знала вовсе о том, что произошло с ее сестрой.

— Где ты была?! Ушла и никого не предупредила куда! — перебила ее Алана. — Я искала тебя весь вечер!

Глаза Элионы заметались, она понимала, что сейчас сестра, как и всегда, будет ее поучать за беспечный поступок.

— Я... Мы... — Элиона пыталась справиться с волнением и смущением, но это получалось плохо. Пальцы нервно перебирали алую ткань сарафана. — Мы с Итаном... — мялась она, уцепившись взглядом за купальные принадлежности, будто видела их впервые.

Казалось, что мысли Элионы витают где угодно, но только не в пределах этой комнаты.

— Да что с тобой такое... — разозлилась Алана. То, как вела себя Элиона, ее одновременно и раздражало, и пугало.

— Мы всю ночь провели в липовых садах... — мечтательно прошептала Элиона, сядя на маленькую табуретку возле корыта, после чего начала смывать пену с сестры.

— Ну... а я что тебе говорила... — фыркнула Брианна, принявшись усердно полоскать волосы. — Она и не думала, что с ней может что-то случиться...

Алана по-прежнему смотрела на сестру, пытаясь уловить, что же с ней не так, а Элиона продолжала непринужденно поливать ее водой из ковша, витая где-то в своих мыслях.

Тем же вечером Тэан, получив новости об очередных волнениях в Котедаме, покинул селение, о чем Алана случайно услышала от общих знакомых.

Как и Тэан, народ Булливана имел взрывной характер. Воины Огня любили повоевать, совершая время от времени мелкие военные походы в сторону Миллиона, что находился на западе Алафея, в королевство, где любили скрываться преступники.

Спустя несколько недель Арон окончательно обосновался на новом месте и высылал Алане забавные подарки. Алана переживала, что волнения в Булливане возымеют куда более серьезный характер и с Ароном что-нибудь случится.

Не в силах оставаться в пустующем доме, Алана подолгу сидела на краю поля в ожидании заката, вглядываясь в гущу Черного леса. Она с трудом осознавала, что та ночь, когда она искала Элиону, могла стать последней в ее жизни.

После происшествия в лесу ею завладела какая-то непонятная апатия. Большую часть дня она просто лежала в одеяле полевых цветов, отдаваясь ласкам свежего весеннего ветра. Казалось, только он мог ненадолго развеять ее беспокойные мысли о будущем.

Алана не переставала думать о том воине, из-за чего ей становилось не по себе. Она еще никогда не испытывала такого яркого, терзающего чувства, вызывающего пленительный интерес. Все вокруг казалось скучным. В душе томила тоска. Алане так хотелось вновь встретить его.

Находясь в чужих землях, воины Грома редко появлялись на людях и избегали общения с местными при встрече. Они вообще были нелюдимы и молчаливы, из-за чего Алане казалось, что ее надежды вновь его увидеть были обречены.

Каждую ночь Алана не могла уснуть. И сегодня, провалявшись в кровати до самого рассвета, услышала глухой стук в дверь. Она быстро направилась к двери, спешно кутаясь в одеяло. Открыв дверь, увидела, как на пороге стоит, переминаясь с ноги на ногу, бледная, отчего-то напуганная до смерти, Брианна. Подруга сбивчиво дышала, ее волосы были влажными от пота, челка прилипла ко лбу, а глаза молили о помощи.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Алана, затаскивая ее в дом.

— Алана, со мной что-то происходит... — пробормотала Брианна, с трудом приводя дыхание в порядок.

— Успокойся и расскажи мне, что произошло... — встревожившись, Алана усадила подругу на кровать и взяла ее за руки.

— Помнишь, ты говорила, что тебе часто снится кошмар?

Алана в замешательстве посмотрела на нее.

— Кажется, со мной происходит что-то подобное, — дрожащим голосом тихо проронила Брианна.

— Что ты имеешь в виду?

— В ночь, после того как ты была с воином Грома...

Алана цокнула языком, закатив глаза.

— В ту ночь мне приснился странный сон, — взволнованно продолжила Брианна. — Во сне я оказалась в неизвестном мне селении. Люди шли мимо меня, сквозь меня, словно меня не существует. Находясь там, я все время наблюдала за одним человеком, который, как и другие, меня не видел. Он был словно не из нашего времени. У него была странная одежда... Я видела, как он строит дом в каком-то лесу, но потом мне показалось, что он почувствовал мое присутствие. Он словно всматривался в пустоту, пытаясь меня увидеть.

— В этом нет ничего особенного... — перебила ее Алана. — Возможно, ты просто встречала его где-то раньше.

Но ее слова не уняли беспокойства подруги.

— Несколько дней назад он снова приснился мне. Я стояла рядом с ним, а он задумчиво наблюдал за волнами моря с какой-то скалы...

— Брианна, я не понимаю... Что тебя так беспокоит?

— Я стала видеть его каждую ночь, — тихо говорила она, — а сегодня он явился мне, лежащим на кровати в темной комнате... Мне казалось, что он мертв... Не знаю почему, но мне отчего-то захотелось коснуться его лица, и в этот момент он крепко схватил меня за руку!

Брианна вытянула руку, и в тусклом лунном свете на запястье показались синяки от крепкой хватки.

— Что за чертовщина... — оторопев, недоуменно произнесла Алана, проводя пальцами по ее руке.

— Он будто чувствовал, что я наблюдаю за ним, понимаешь? Он затаился, зная, что я рядом! А потом медленно поднялся в кровати, не отпуская моей руки, и стал всматриваться в пустоту перед собой, будто ждал, что я появлюсь из ниоткуда... — Голос Брианны задрожал.

— Было ощущение, что его взгляд пронизывал меня насквозь. Я старалась высвободить руку, но он притягивал меня к себе...

— Ты знаешь его? — Алана ловила каждое слово Брианны, но не понимала, чем помочь и как успокоить подругу.

— Я не знаю, я видела его лишь во снах... Но самое странное то, что, когда он отпустил мою руку, я буквально выпала из сна.

Алана заворуженно смотрела на подругу, гадая, что же с ней происходит.

— А кроме снов?

— Все стало хуже, — с досадой отвечала Брианна. — Каждый раз я испытываю странное манящее чувство, будто мне нужно куда-то идти, словно в груди появляется что-то горячее... Теперь мне не просто мерещится. Иногда мне кажется, что за мной кто-то следит. Один раз, я готова поклясться, Алана, я чувствовала, что мне в спину кто-то дышит.

Алана растерянно смотрела то на лицо Брианны, то на ее руку, не зная, что сказать. Все это действительно казалось странным, отчего в душе девушки затаилось беспокойство за подругу.

Шли дни, недели. Алана каждый вечер проводила в компании Брианны, которая едва справлялась со своим таинственным состоянием успокоительными отварами. В конечном счете Кирана решила отправить ее в Котедам к своей давней знакомой, которая, к удивлению Аланы, оказалась потомственной целительницей и служила лекарем юного короля Булливана. Кирана надеялась, что та сможет избавить Брианну от странного недуга.

5

Приближался день наречения девы. Чем быстрее шло время, тем больше начинала паниковать Элиона. Она не находила себе места, будучи уверенной, что король выберет именно ее.

Леди Берон уже побывала в столице и собиралась объявить о решении короля. Имя девы, которую отправят от селения Весны в Гром, уже было определено, отчего сельские незамужние девушки пребывали в заметном беспокойстве. Несмотря на приобретаемый статус и почет, не каждая мечтала стать девой для воина и принести пользу своей семье, ведь они понимали, что становление девой — означало замужество с незнакомцем без ее согласия.

Однако многие девушки, наоборот, об этом искренне мечтали. Они годами берегли себя в надежде, что когда-нибудь их нарекут девами. Они избегали любого внимания со стороны мужчины и отказывались выходить замуж, свято веря, что даже на старости лет станут девами, чем вызывали осуждение со стороны общества и обрекали себя на существование в одиночестве. Кто-то относился к ним с жалостью, кто-то с презрением, за глаза называя старыми девами. Хуже жизни старой девы была лишь жизнь безродных.

Редко бывало, что воины отказывались от своих дев. Чаще всего это происходило, если выяснялось, что дева оказалась не чиста, но случалось и так, что спустя несколько лет дева предавала своего воина, отдав предпочтение другому мужчине. В обоих случаях женщина получала наказание — ее изгоняли из рода, а левая рука неверной становилась черной от запястья до кончиков пальцев. В народе это называли клеймом безродности. Во многих королевствах эта метка считалась позором. Такие девушки не могли вернуться в семью, они были вынуждены скитаться по миру. Люди в Гродене не принимали таких женщин и старались всячески избегать с ними любых дел. Многие считали безродных грязью, и даже закон их не защищал.

Некоторые безродные находили приют в соседних селениях, некоторым удавалось перебраться в другие королевства, но в основном безродные проживали в Домах утех, где до конца своей жизни были вынуждены за гроши ублажать мужчин, чтобы хоть как-то обеспечить свое жалкое существование.

Наступил злополучный день выбора. С самого утра в доме ощущалась тревога, исходившая от Элионы. Она была как на иголках.

— Перестань так беспокоиться, — хмуро сказала Алана, замечая, как глаза сестры бегают из стороны в сторону, будто она ищет место, куда бы могла спрятаться.

— Как я могу перестать? — взволнованно отвечала она.

Элиона нервно надевала туфли, а ее руки тряслись, не в силах справиться со шнурками.

— Перестань... Стать девой не так уж и плохо. Воины Грома очень красивы... — Алана невольно вспомнила воина, которого видела на озере. И хотя Алана понимала, что сердцем сестры уже завладел другой, она была уверена, что если Элиону нарекут девой, то это спасет ее от невозможного будущего с Итаном. — И потом... Тебе не одной в этом году исполнилось восемнадцать, — в надежде хоть как-то успокоить сестру продолжала Алана. — Близняшки Бинни и Ванна куда больше подходят на роль дев. — Опершись о дверной косяк, она наблюдала, как Элиона все еще пыталась надеть свои туфли.

— Бинни и Ванна? Ты серьезно? — Элиона пронзила сестру холодным взглядом. — Ты серьезно думаешь, что Леди Берон выбрала одну из них?

— А почему нет? Они были прилежными ученицами.

— Алана! Все селение знает, что Бинни любит выпить и развлечься, а Ванна — неряха, каких во всем Гродене не сыскать.

Элиона глубоко вздохнула и привалилась к стене, словно осознавая неизбежное.

— Впервые в жизни я разочарована своим исправным поведением... — пробурчала она, безвольно опустив руки. — Не думаю, что Леди Берон захочет опозориться перед королем.

— Оттого что ты паникой заставляешь воздух двигаться быстрее, ничего не изменится!

— А ты-то чего такая спокойная? — вдруг перевела тему Элиона.

Алана подошла к сестре, опустилась перед ней на колени и, взяв ее за руки, пристально заглянула в глаза.

— Тебе бы тоже не мешало успокоиться, — тихим голосом сказала она.

— Неужели тебя не пугает мысль, что сегодня тебя нарекут девой и ты должна будешь выйти замуж за незнакомца?

— Меня? — иронично усмехнулась Алана. — Элиона, напоминая, вдруг ты забыла, что мне двадцать шесть. Кому я нужна? Если меня не выбирали девой в предыдущие годы, сомневаюсь, что сегодня неведомая сила заставит Леди Берон произнести мое имя.

Алана действительно была в этом уверена, Леди Берон частенько выставляла Алану дурным примером для других девушек.

Элиона встала, тяжело вздохнув, ее глаза были полны страха, страха, которого Алана раньше никогда не видела, но как только она все же взяла себя в руки, они покинули дом.

Алана не заметила, как быстро они оказались на площади. Улица застыла в тревожном ропоте. Все пространство заполняли растерянные девушки. Одни переживали от того, что не хотели становиться девами, другие, напротив, больше всего на свете желали услышать из уст Леди Берон свое имя.

«Каждый год одна и та же картина», — подумала Алана.

В центре площади в ожидании оратора стоял небольшой, избитый за все эти годы каблучками Леди Берон, деревянный пьедестал. Вскоре усталые ступени издали изнеможенный скрип от ее появления.

Площадь погрузилась в звенящую тишину. Все взгляды устремились на наставницу двора. Все пристально следили, как крепко она сжимала в руках, плотно обтянутыми бордовой тканью перчаток, свиток с заветным именем новой девы.

Леди Берон оглядела присутствующих и принялась элегантно снимать перчатки, после чего ее тонкие изящные длинные пальцы аккуратно развернули свиток.

— Жители селения Весны! — торжественно обратилась Леди Берон к притихшей толпе. — Я собрала сегодня всех вас, чтобы озвучить волю короля и объявить имя священной девы, которая покинет Гроден в знак мира и уважения к Грому! Девы, чье имя навсегда будет вписано в род воителей Грома!

Леди Берон произносила речь четко, громко, с высоко поднятой головой, словно сам король наблюдал за ней.

— Хочу с радостью объявить, что девой, которая войдет в род Грома в этом году, стала... — она помедлила, окинув толпу решительным взглядом.

Элиона крепко впила ногтями обеих рук в запястье Аланы, отчего той стало больно, но Элиона не обращала на это никакого внимания. Ее глаза застыли на губах Леди Берон, словно умоляя ту не произносить ее имени. Элиона не дышала, казалось она вот-вот потеряет сознание.

— Стала... — продолжила наставница, — Элиона Грин! Да принесут Боги счастье в твой новый дом! — резко свернув свиток, закончила Леди Берон.

Некоторые девушки облегченно выдохнули. Они искренне радовались, но радость эта была не столько за Элиону, сколько за то, что ни одна из них не услышала своего имени. Но были и те, кто с завистью и презрением искали избранницу в толпе.

На лице Элионы застыла холодная улыбка, она стояла, неподвижно осознавая услышанное, отчего Алана не знала, что делать и как помочь сестре.

Глаза Элионы наполнились слезами, они неспешно скатились тонкими струйками по бледным щекам. Алана смотрела на нее, не зная, что сказать, она понимала, что не сможет ее успокоить. Руки Элионы затряслись. Она медленно повернулась к сестре с умоляющим взглядом.

дом и начала истошно рыдать. Заметив, как зеваки стали на них таращиться, Алана обняла сестру за ссутулившиеся плечи и поспешила отвести домой.

Дорога казалась бесконечной. Рыдания Элионы сменились всхлипами, затем — тихим отстраненным молчанием. Она так и не проронила ни слова. Ее некогда счастливые глаза смотрели куда-то вдаль, а по окаменевшему лицу непрерывным потоком текли слезы, отчего губы разбухли. Она по-прежнему не отпускала запястья сестры, ее руки словно окоченели, вцепившись в Алану мертвой хваткой.

Придя домой, Алана усадила сестру на скамью в прихожей, намереваясь снять с нее туфли. Элиона сидела как статуя. Она отстраненно всматривалась в пространство. Освободившись от обуви, поднялась и медленно поплелась в комнату, после чего легла на кровать, свернувшись калачиком.

Алана не находила себе места, не представляла, что делать. Она принялась гладить сестру по волосам. К глазам Аланы подступили слезы от осознания того, что совсем скоро Элиона оставит ее навсегда.

— Элиона... — хриплым голосом сказала она, — Элиона... что я могу для тебя сделать? — Как же Алане хотелось спрятать, защитить ее от всего мира.

С самого ее детства Алана желала сестре лучшего. В ее голове вдруг пронеслись воспоминания. День, когда к ним пришла Леди Суит. Алана вспоминала, как та предложила Арону забрать одну из девочек, и тогда Алана, будучи восьмилетним ребенком, сама протянула Леди Суит укутанного младенца. Она вспоминала, как перебирала ягоды, выбирая лучшие, чтобы отнести маленькой Элионе. Вспоминала, как потратила все свои накопленные деньги, чтобы подарить Элионе платье, о котором та так мечтала. Вспоминала радостный блеск в глазах сестры, который она уже больше не увидит.

— А что тут сделаешь? — всхлипывая, пытаюсь выдать из себя слова, холодным голосом отвечала та. — Сегодня я умерла... Понимаешь, моя жизнь кончена...

— Прошу, не говори так... — не желая слышать горькую правду, молила ее Алана.

— Теперь я буду вынуждена скитаться по миру и отмываться от... — Элиона не смогла закончить начатого из-за хлынувших слез.

Алана резко схватила Элиону за плечи, рывком подняла и развернула к себе.

— Отмываться от чего? — в недоумении спросила Алана.

— От позора... Я... Я не могу стать дево́й, Алана, — дрожащим голосом проронила Элиона и вновь заревела навзрыд, уже не в силах остановиться.

Алана растерянно смотрела на нее, пытаясь собрать все мысли.

— О чем ты говоришь? — шептала она, отгоняя страшные предположения.

— Алана... Я... Я была с Итаном... — прохрипела Элиона сквозь рыдания.

— Что?! — округлив глаза, громко вскрикнула Алана.

Дыхание Аланы стало прерывистым, грудь начала беспокойно вздыматься. В голове замерли слова, а в горле встал ком.

— Но как? Когда?

Ее голос заledenел.

— Мы с Итаном... В ту ночь... Я люблю его... — На распухших губах проступила едва заметная, робкая улыбка, но даже ее было достаточно, чтобы осветить особым сиянием юное лицо, пусть покрасневшее и заплывшее от слез.

— Проклятье! — Алана крепко прижала к себе сестру.

Все ее тело судорожно затряслось, живот скрутило, а в глазах начало темнеть.

— Как... Как ты могла? — шептала Алана сквозь слезы, не разжимая объятий, укачивая, как маленького ребенка. — Что же ты наделала... Что же ты наделала... — повторяла она, не в силах остановиться.

— Я... я люблю его, — снова выдавливала из себя Элиона между всхлипами. — Я знала, что погублю себя... Но я ничего не могла с собой поделать... Понимаешь? — прошептала она, уткнувшись Алане в плечо, отчего та чувствовала, как ткань платья на плече становится теплой и влажной.

Но Алана не понимала. Ей были не знакомы такие сильные чувства. Она знала лишь одно: вскоре ее сестру нарекут безродной.

Эти мысли вгоняли в ужас. Возможно, именно в тот момент жизнь Аланы изменилась навсегда, ведь именно в ту минуту она твердо решила сделать все, чтобы спасти сестру.

— Успокойся, слышишь? — вдруг сказала она строгим голосом. — Успокойся, я все решу, все исправлю...

— Что тут исправлять?

— Успокойся! Мне нужно идти, оставайся здесь. Поняла? Никуда не уходи. Слышишь меня?

Уловив на себе взгляд сестры и поцеловав ее в лоб, Алана быстро покинула дом.

Едва взобравшись на лошадь, Алана понеслась в сторону наставнического двора. Ее глаза пылали, а в голове была лишь одна мысль: спасти Элиону. Алану переполняла ярость оттого, что она не смогла уберечь сестру от совершенной глупости. Ею завладела злость, злость на саму себя. Она неслась, словно ветер, оставляя после себя в воздухе высокий столп пыли. Ветер, точно пытаясь ее остановить, больно хлестал по лицу, но девушка не обращала на это никакого внимания.

Вскоре на ее пути показались ворота двора, и она сбавила ход, давая себе время отдышаться и привести мысли в порядок.

Быстро спрыгнув с лошади, Алана без колебаний забежала в дом, который знала как свои пять пальцев. Она мгновенно преодолела узкие ступени винтовой лестницы и твердой походкой направилась в кабинет Леди Берон. Открыв дверь, она бесцеремонно влетела внутрь, едва остановившись у стола, за которым, как и всегда в абсолютной тишине, проводя время за изучением каких-то бумаг, сидела наставница.

— Леди Берон... — взволнованно бросила Алана, с трудом пытаясь прийти в себя, осознавая, с кем разговаривает.

— Чем обязана твоему внезапному появлению, Алана Грин? — не отрывая взгляда от бумаг на столе, отстраненно спокойным голосом спросила наставница.

— Я... Вы должны мне помочь... — сбивчиво пропыхтела Алана.

Алана хорошо понимала, что Леди Берон не из тех людей, кто испытывает сострадание, но также Алана понимала, что наставница несет ответственность за выбор девицы, и если выяснится, что предложенная дева не чиста, это станет не просто позором для семьи девушки. Это будет воспринято как оскорбление и может привести к нарушению добрососедских отношений между Гроденом и Громом. Алана понимала, что, если Элиону нарекут безродной и вернут обратно, это вызовет гнев короля, и она хорошо понимала, что гнев этот падет именно на Леди Берон, которая ни за что не пожертвует своей репутацией.

— Для начала будь так любезна, присядь, — невозмутимо ответила Леди Берон. — Чем же я могу тебе помочь, дитя? Что же такого случилось, что ты ворвалась сюда как мужлан? — спокойным голосом продолжала Леди Берон, указывая Алане на ее непристойное поведение. — Если ты вдруг забыла, два часа назад я оповестила вас о радостном событии, о становлении девицы в твоей семье.

— Леди Берон, вы должны остановить это... — взволнованно продолжала Алана. — Элиона... Она... Она погибнет.

К горлу подкатил предательский ком, голос задрожал. Она судорожно начала тереть пальцы между собой, смотря на Леди Берон умоляющим взглядом.

— Отчего же она должна погибнуть? — все с той же невозмутимостью спросила Леди Берон. — Еще ни одна дева не пала смертью, будучи замужем за воином Грома. Они чтят своих женщин и относятся к ним со всем уважением, они оберегают их от любых неприятностей, они...

— Элиона не чиста... — не выдержав, перебила ее Алана.

Сказанные слова заставили Леди Берон резко поднять голову. Она застыла все в той же непринужденной позе, держа в руках бумаги. От услышанного она посмотрела на Алану с презрением. Наставница не произнесла ни слова, однако Алана с детства знала, что за ее леденящим душу молчанием скрывается ярость.

По щеке Аланы скатилась одинокая слеза. Сейчас она ожидала чего угодно: очередной лекции о недостойном поведении, о пагубном примере, который она все эти годы подавала сестре. Но по какой-то неведомой причине всего этого не случилось.

— Значит, не чиста... — медленно, выделяя каждое слово, протянула наставница.

— Леди Берон, — робко прошептала Алана, — вы же в силах помочь уберечь Элиону от клейма, которое погубит не только ее жизнь, но и вашу.

Наставница скривила губы. Казалось, она прекрасно осознавала, чем аукнется ей ее выбор и бездействие.

— Я готова сделать все... — продолжала Алана. — Все ради того, чтобы спасти ее от позора.

— Так уж все? — вдруг спросила Леди Берон, поджав губы, кладя бумаги на стол.

— Все... — решительно ответила Алана, утирая слезы руками.

— Как интересно складываются обстоятельства... — озадаченно протянула Леди Берон и откинулась на спинку кресла, с прищуром глядя на Алану.

Она вновь замолчала. Алана боролась с нетерпением, не смея нарушить гнетущую тишину.

— И даже стать девой вместо сестры?

Ее голос был холоден, как лед. За все те годы, что Алана провела во дворе наставничества, Леди Берон знала ее как облупленную и прекрасно понимала, что она совсем не годится на эту роль. Алана растерялась. Она ожидала, что Леди Берон отправит в Гром другую девушку, но никак не предполагала, что этой девушкой может оказаться она сама.

Под пристальным колким взглядом Леди Берон, которая ожидала ответа, Алана оробела. Она вспомнила выражение лица Элионы, когда та призналась о чувствах к Итану, вспомнила отчаяние в ее глазах. Она осознавала, что цена спокойной жизни сестры — ее собственная жизнь, но во что бы то ни стало желая уберечь сестру, нерешительно кивнула.

— Ты уверена, дитя? — Холод в голосе наставницы, казалось, добрался до самых костей. Но Алана молчала.

Леди Берон, упираясь своим изящным запястьем в стол, приподняла ладонь и принялась крутить большим пальцем кольцо на среднем.

— Подумай хорошенько, Алана, ведь назад пути не будет... — сурово произнесла она. — И если ты посмеешь творить глупости и порочить мое имя, — Леди Берон подалась вперед, ее голос зазвучал грозно, — я сама лично отправлю твою душу в туман топей.

— Вам не придется беспокоиться по поводу моего поведения, — не дыша, ответила Алана.

— Вот и славно. — Наставница легко встала и подошла к окну, заведя руки за спину.

Главной чертой Леди Берон, как и положено главе наставнического двора, была сдержанность и невозмутимость. Что бы ни случилось, в любой ситуации она сохраняла лицо, а ее истинные эмоции можно было увидеть лишь в ее взгляде, который, казалось, не отражал ничего. Но сейчас, когда речь шла о будущем ее любимой сестры, Алане было не по себе от ее спокойствия.

— Отправляйся домой. Завтра на рассвете за тобой прибудет сопровождающий, — отстраненно сказала она, всматриваясь вдаль неба, давая Алане понять, что разговор окончен.

Алана растерянно направилась к дверям.

— Спасибо, Леди Берон... — обернувшись, сказала она, после чего скрылась.

— Ты даже не знаешь, за что благодаришь... — тихо ответила наставница вслед, но Алана этих слов не услышала.

Вернувшись домой, она вошла в комнату. Элиона сидела на кровати, судорожно обнимая свои колени.

Заметив сестру, Элиона посмотрела на нее опустошенным взглядом. Ее губы были алыми и распухшими. Алана медленно села на край кровати, оперевшись на витиеватые кованые прутья ее изножья. Элиона не сводила с нее взгляда, пытаясь уловить надежду на спасение.

— Ты никуда не поедешь, — тихо сказала Алана. — Ты останешься дома.

Элиона оживилась.

— Это правда? — Она расцепила руки, положила их на перину и подалась вперед: — Как тебе это удалось?

— Ты больше не дева... — Алана старалась говорить спокойно, но только сейчас, сидя на мягкой постели, поняла, что случившееся напрочь лишило ее сил. Она пустым взглядом посмотрела в окно. Там, за открытыми створками, простиралось ее любимое цветочное поле, которое больше никогда не спрячет ее в своих объятиях.

— Но как? — прошептала Элиона.

— Больше не думай об этом... — переведя на нее холодный взгляд, спокойным ровным голосом ответила Алана. — У тебя все будет хорошо, все будет, как и прежде.

— Неужели ты была у Леди Берон? — взволнованно проговорила Элиона. — Неужели тебе удалось уговорить ее отправить в Гром вместо меня другую?

В глазах Элионы засверкала искорка надежды.

Алана глубоко вздохнула, безмолвно кивнула, на что Элиона тут же бросилась ее обнимать.

— Спасибо... Спасибо... — радостно тараторила Элиона. — Моя любимая сестренка... Что бы я без тебя делала...

Алана приобняла сестру в ответ. Она так и не сказала, что согласилась стать девой вместо нее. Алана не произнесла ни слова, а ее взгляд по-прежнему был прикован к виду за окном, к цветам вдалеке, чей покой нарушал лишь ветер. Ей отчего-то казалось, что для всех так будет даже лучше. Больше никому не придется переживать за нее и за ее одинокое тоскливое существование в старом доме.

Элиона все еще с трепетом обнимала сестру, а Алана гладила ее волосы, пытаясь успокоить не столько ее, сколько себя.

6

Наступила ночь, наверное, самая длинная ночь в жизни Аланы. Элиона позабыла обо всем, что случилось, и беззаботно проводила время в кругу семьи Суит в своем доме. Юную беспечную девушку даже не заботила мысль о том, кто же стал девой вместо нее.

Алана так и не смогла сомкнуть глаз. Она всю ночь писала письма брату и Брианне. В них она пыталась объяснить свой странный поступок. Алана ни слова не написала о том, что произошло с Элионой, в письмах она врала о том, что это было ее решение, что она давным-давно помышляла о замужестве, что это повод покинуть отчий дом и перестать быть обузой для брата.

Закончив с письмами, Алана залезла на подоконник открытого окна и опустошенным взглядом смотрела вдаль, с трудом осознавая, что ее ждет. Алана понимала, что ее привычная жизнь закончится с первыми лучами солнца, и старалась запечатлеть в памяти все, что было ею так любимо: каждый уголок селения, каждый звук шелеста листвы, чарующий вид из окна дома, в который она больше не вернется. В ее душе постепенно разрасталась тревога от того, что с ней будет, от того, какая жизнь ей предстоит, будучи девой, но Алана ничего не могла с этим поделать, ведь, как ей казалось, это был единственный способ уберечь сестру от постыдного существования в безродности.

Постепенно предметы вокруг стали приобретать очертания, выступая из ночной тьмы, и комнату наполнил рассеянный свет предрассветных сумерек, который врывался в разум Аланы, стараясь вытащить ее из тревожных мыслей. Она все продолжала смотреть в окно, наблюдая, как небо неспешно затягивает плотная синева облаков, предвещающая утреннюю грозу.

В какой-то момент в шепоте листвы, гонимой ветром, она услышала топот копыт. Из стелившейся над землей дымки утреннего тумана вдалеке неясно проявлялся силуэт всадника в черном плаще, который неспешно приближался к дому.

Вскоре Алана услышала стук в дверь, отворив которую, увидела Леди Берон. Наставница невозмутимо стояла на пороге, держа в руках сверток и плотный черный плащ.

— У тебя несколько минут, чтобы собраться, — элегантно переступив порог дома, строгим голосом сказала Леди Берон.

Она аккуратно протянула Алане сверток, та невольно взяла его, совершенно не понимая, что может быть внутри. Развязав шнур и обнаружив нижнее платье белого цвета, Алана в недоумении взглянула на наставницу.

— А что ты думала? — возмутилась Леди Берон. — Что отправишься на обряд в чем тебе вздумается? Надевай! — твердо бросила она, поджав губы.

Алана скрылась в комнате. Платье было настолько тонким, что едва скрывало очертания тела, а через полупрозрачную ткань легко просматривалась отвердевшая от холода грудь.

Алана робко вышла в прихожую, прикрываясь руками, испуганно глядя на наставницу.

— Отлично, — кивнула Леди Берон.

С присущей ей грацией она накинула черный плащ на плечи Алане, покрыв ее голову капюшоном.

— Ну, вперед... — строго сказала наставница. — Тебе нельзя опаздывать.

Алана торопливо побежала в комнату, после чего возвратилась и протянула Леди Берон несколько конвертов.

— Это письма... — Алана умоляюще посмотрела на наставницу. — Прошу, передайте их, сделайте для меня последнее одолжение.

— Я об этом позабочусь, — согласилась Леди Берон, взяв из ее рук письма, после чего распахнула перед Аланой двери.

Выйдя во двор, Алана осторожным шагом направилась к всаднику, лицо которого скрывал капюшон.

За его спиной виднелся меч. Взору открывался лишь эфес с алафеевскими символами, выгравированными по кругу. В основании рукояти был вплавлен фиолетовый александрит, из которого исходили маленькие молнии, заставляя символы светиться.

Из сказок, что мать читала в детстве, Алана помнила, что меч воина может убить любую нечисть, в то время как обычный — лишь ранить. Для воина меч был не просто оружием, наделенным силой, он считался его частью.

Подойдя к воину, Алана робко остановилась, ловя себя на мысли, что это последние мгновения ее прежней жизни, что сейчас, сделав всего несколько шагов вперед, она попрощается с беззаботной жизнью. Грудь сжалась от терзающего чувства, чувства, будто она, возможно, совершает ошибку.

Алана растерянно обернулась в сторону дома, на пороге которого стояла Леди Берон.

— Леди Берон, — внезапно обратилась к ней Алана, — прошу, сохраните в тайне обстоятельства, повлекшие изменение вашего решения. Я знаю, я не была в числе прилежных учениц, но, прошу... Элиона... Прошу, приглядывайте за ней.

— Об этом не переживай, — с невозмутимым спокойствием отозвалась наставница. — Как только ты станешь девой, твоя сестра будет вольна выбрать себе любого мужа, а я, уж поверь, прослежу, чтобы она сделала достойный выбор. — Сказав это, наставница кивнула в сторону воина, давая Алане понять, что ее время вышло.

Воин отстраненно протянул Алане ладонь, после чего она неуверенно уселась перед ним и трясущимися руками взялась за рожок, в последний раз посмотрев в сторону дома. Всадник прищипорил лошадь и отправился в путь, потянув за поводья, а Алана безмолвно всматривалась вдаль перед собой, пытаясь раствориться в каплях дождя, которые в отчаянии срывались с неба.

Они двигались на север, по дороге, которая вела через Топь в столицу Грома — город Мечей. Любимые цветочные поля остались далеко позади, а на смену им пришел густой, пугающий своими высокими деревьями лес, в землях которого Алана никогда не бывала.

Вскоре вдалеке показались деревянные колья пограничной заставы, воин поднял руку, что было сигналом караульному открыть ворота. За ними начинались опасные земли болотной Топи.

Лес стал еще гуще и темнее. По дороге стелился легкий туман, пряча, сжавшийся, будто от страха, выступающий у края лесной папоротник. В утренней тишине с глубины леса доносился странный шум, но то не были звуки лесного зверья, то перешептывалась нечисть, которая ощущала их присутствие.

Между деревьями то и дело мелькало нечто, сверкая черными глазами, готовое броситься на них, но тут же пятилось назад, как будто понимало, кто перед ним.

Вдалеке послышался вой. Он доносился эхом, отчего Алана вздрогнула, и по ее спине пробежала волна холода. От страха встретить нечисть Алана прильнула спиной к груди воина, на что он лишь придвинул ее рукой ближе к себе.

Постепенно лес стал редеть, сменяясь скудными пятнами кустарников и зарослями камышей. Они, как бородавки, проступали из гущи тумана небольшими участками.

Алана настороженно всматривалась вдаль. Над свинцовой полосой горизонта устало поднимался бледный солнечный круг, который едва вырисовывался сквозь мглу туманного неба.

Вдруг Алана заметила вдалеке резкие быстрые движения. Сквозь высокие камыши что-то стремительно двигалось в их сторону.

— Что это?! — вскрикнула она, крепко вцепившись пальцами в грубую ткань рукава кителя воина.

Капюшон воина медленно повернулся в направлении непонятных метаний, а на эфесе меча более ярким сиянием замерцали молнии. Он остановил лошадь, словно ожидая встречи с неизвестным.

Из высокой травы, прямо перед ними, появилась нечисть, похожая не то на волка, не то на медведя, а из огромной пасти бесконечными рядами торчали длинные зубы, с которых капали слюни.

Нечисть водила носом, словно пыталась унюхать их запах. Сердце Аланы бешено заколотилось, она старалась не дышать. Спустя мгновение глаза твари сузились, и она, шипя как змея, начала пригибаться к земле, отползая назад. Нечисть медленно, без резких движений скрылась в зарослях высокой травы, и лишь по ее утихающему шипению можно было определить, что она решила отправиться на поиски другой добычи.

Постепенно поверхность земли застелило полотно полупрозрачного тумана, из которого местами виднелись стебли редкой травы. В легкой влажной дымке впереди проявились силуэты девушек, в сопровождении воинов, чьи лица также скрывали капюшоны.

Приближаясь к ним, Алана заметила, что за их спинами простиралось нечто. Стена густого непроглядного тумана, похожего на движущуюся, словно клубы дыма, мглу. Из нее то и дело проступали очертания лиц, на которых застыл ужас смерти. Тишина вокруг сменилась беспокойным шепотом, в нескончаемой веренице слов которого едва можно было что-то разобрать.

Это был Туман Смерти — непроходимое для живых существ место, в котором обитали души умерших. Здесь смерть настигала тело, а душа навеки становилась частью этой непроглядной мглы.

Вскоре воин остановился, поравнявшись с остальными. Один из них приблизился к границе смертоносного тумана и поднял руку. То и дело выглядывающие души беспокойно пятились назад. С руки воина сорвался порывистый ветер, образуя в плотном мраке коридор, после чего всадники один за другим стали заходить в его густое, темное нутро.

Приближаясь к границе тумана, Алана не дыша заворуженно всматривалась в серую пелену. Она была не в силах оторваться от застывшего в ушах ропота мертвых, что одурманивал разум. Непонятные слова проникали в голову, растворяясь в сознании, насыщая тело каким-то непознанным умиротворением, вызывая мысли остаться здесь, остаться среди этих душ. Алану настигало странное ощущение усталости.

Она вслушивалась в этот зловещий шепот, пытаясь разобрать слова, как вдруг услышала знакомый голос. Он звучал хоть и четко, но тихо, словно доносился откуда-то издалека.

— Стой! — донеслось до нее. Алана невольно всматривалась в лица мертвых душ, как вдруг осознала, кому принадлежит этот голос.

— Тэан... — обеспокоенно прошептала она.

Едва опомнившись, она начала оглядываться по сторонам.

— Остановись! — снова раздался его голос где-то далеко позади них.

Алана невольно оглянулась. Она растерянно всматривалась за плечо воина. Там, в легкой дымке показался алый плащ.

Всадники невозмутимо продолжали продвигаться вперед, не обращая на оклики никакого внимания. Воин Аланы вел лошадь в глубину коридора, все сильнее погружаясь в толщу дыхания смерти.

Алану настигло гнетущее чувство паники. В и без того наполненной страхом груди замесалось подозрение. Что, если судьба дает ей шанс все изменить.

— Остановись... — вдруг проронила она, вцепившись в руки воина, но он никак не отреагировал. — Остановись же! — прокричала Алана.

Она резко натянула поводья, отчего лошадь встала на дыбы, и Алана свалилась на влажную илистую землю. Едва вскочив на ноги, она рванула было к Тэану, но души стали запо-

лонять пространство коридора, скрывая за собой просвет, что вел обратно. Они взирали на Алану с холодным отчаянием, будто пытались заглянуть в глубь ее души.

— Просто доверься ему... — вдруг прошептала ей душа с обезображенным лицом. — Верь ему, Алана... — заскрежетала другая.

Они медленно приближались к ней, неся на одеяниях туман, протягивали свои полупрозрачные руки в ее сторону. Алана робкими шагами подалась назад. Но туман разрастался, становился все ближе. Казалось, ее желает коснуться сама смерть.

— Алана... — раздался в мареве родной голос, который она думала, что забыла, думала что больше никогда не услышит.

Алана замерла. На глазах проступили слезы. Она не слышала этого голоса восемнадцать лет. Теплый родной голос матери.

— Мама... — зашептала она. Глаза Аланы метались по незнакомым лицам.

— Моя маленькая девочка, — вновь услышала она теплый голос. Лицо матери вдруг проявилось из густи тумана. — Что же ты здесь делаешь?

— Мама... — зарыдала Алана.

— Девочка моя, не время плакать...

— Что мне делать, мама? — зашептала сквозь слезы Алана, приблизившись к ней.

— Ты всегда была умной девочкой, ты выросла и стала доброй и заботливой сестрой, ты справлялась с невзгодами и всегда сохраняла улыбку на своем лице. Ты оберегала сестру, и я горжусь твоим поступком. Никогда не оглядывайся назад, не лей слез попусту и береги своих близких, береги Арона и Элиону.

— Мама... — повторяла Алана, не находя слов.

— Ты станешь прекрасной женой и матерью...

Мать смотрела на нее с теплотой, а на ее лице светилась улыбка, отчего Алана зарыдала. Силуэт матери постепенно рассеивался в тумане, растворяясь среди множества душ.

— Мама, нет, — подалась вперед Алана, — не исчезай.

Но ее матери уже не было. Алана оказалась так близко к туману, что ее тела вот-вот бы коснулась чья-то рука. Едва она это заметила, как тут же отступила, но, увязнув ногой в иле, осела на землю. Неизвестная душа, стремительно вырываясь из тумана, потянулась к ней.

В этот момент перед Аланой появился ее всадник. Он встал на пути души и направив меч в сторону. Яркое фиолетовое сияние молний озарило полумрак, и душа с недовольством на лице подалась назад. Она, не смея приближаться, застыла в тумане.

Воин обернулся к Алане и протянул руку.

Она смотрела на него, а в ее голове звучали слова матери. Слова, которые дали ей понять, что назад пути уже нет. Она должна беречь сестру, а значит, ей ничего не оставалось, кроме как смиренно следовать своему выбору. Алана приняла руку воина.

Они вновь двигались по коридору под толщами дыхания смерти. Но нескончаемый шепот не покидал ушей Аланы. Она крепко зажмурила глаза, вонзив в рожек седла ногти с такой силой, что пальцы побелели, и молилась, чтобы этот путь поскорее закончился. Она повторяла про себя слова песни, что пела ей мать перед сном, стараясь не слушать, что твердили ей души. Постепенно шепот стал стихать. Лица Аланы коснулся прохладный осенний ветер. Она медленно приоткрыла глаза. Перед ней простирались черные горы, пронизанные, словно острыми прутьями, елями, изредка выглядывающими из утренней дымки тумана.

Алана увидела огромный, живой, бурлящий Город Мечей. Небо над ним мерцало множеством маленьких искорок защитного щита, которые медленно падали, робко касаясь земли у границ.

Город был устроен в несколько ярусов по высоте, от одной горы к другой. Крыши плотно стоящих домов, подобные нанизанному на нить блестящему жемчугу, что небрежно бросили к подножию пологих гор, переливались от недавнего дождя в лучах закатного солнца. В разных

уголках города то и дело вспыхивали маленькие молнии, которые едва виднелись в неярком солнечном свете.

Дома в основном были одно- и двухэтажными. Сложенные из гладкого скального камня с мелкими вкраплениями, которые мерцали на свету от утренней влаги.

На улицах, что длинными линиями тянулись наверх, к башням королевского дворца, было многолюдно. Кто-то толпился у лавок ремесленников, кто-то сидел под навесом трапезной, попивая горячий чай. Местами раздавался залиvistый детский смех.

Поодаль от дворца, в глубине города располагалось небольшое нагорье, на котором высился огромный монумент каменного меча, парившего в воздухе над землей на высоте человеческого роста. От него во все стороны сверкали маленькие яркие молнии, отчего весь монумент светился и мерцал. Свое начало молнии брали в эфесе меча, который, казалось, касался неба. Даже с высоты человеческого роста в нем виднелось большое круглое отверстие, в котором непрерывно зарождалось множество крошечных искорок.

Справа от монумента располагалась старая, сложенная из крупного серого камня, часовня, треугольными остроконечными башнями, в каждой из которых так же, как и в монументе, сверкали молнии.

Девы в сопровождении воинов неспешно двигались по узким улочкам города. На их пути встречались женщины и дети, воины. Все они выкрикивали поздравления и радостно хлопали, когда замечали их. Жители Мечей напоминали обычных людей из Гродена, живущих размеренной жизнью, в которую вдруг ворвался праздник.

Через какое-то время девы прибыли к часовне, у стен которой их встретила широкая мраморная лестница, украшенная коваными витыми поручнями.

Внутри они попали в просторный холл, который перекрывал свод одной из башен. В темно-серых стенах были вырезаны высокие, узкие окна, заставленные серо-синими витражами, заливавшими пространство холодным светом. Будущих дев встретила достаточно милостивая женщина, с темными каштановыми волосами, туго собранными в изящный пучок, с мягкими чертами лица и тонким прямым носом, который придавал благородство ее образу.

Сопровождавшие дев воины спешно направились в левую сторону, скрывшись в глубине коридора, а женщина, приподняв руку, указала девам на правую сторону.

Гости покорно двинулись в указанном направлении, попав в еще один, такой же коридор, только стены его имели небольшие уступы, с которых бились маленькие молнии, освещая путь девушек своими разрядами.

Путницы продолжили идти по коридору, пока не оказались перед большой деревянной дверью, украшенной стальными прутками с причудливой формы завитками. Робко открыв ее, гости ступили в огромный зал, посреди которого в нише из темного мрамора манила большая купель. С поверхности воды, сквозь плавающие в ней цветки васильков лениво поднимался пар. Воздух был насыщен ароматом масел, вдыхая который, Алана почувствовала странное ощущение. Все ее тревоги странным образом исчезли, а грудь наполнило приятным чувством умиротворения.

В левой части зала высились колонны, струящаяся черная вуаль закрывала просветы между ними, скрывая девушек от появившихся на ночном небе звезд.

С улицы то и дело тянулись прохладные потоки свежего воздуха, слегка развевая ткань, сквозь которую Алана угадывала очертания города.

— Омывайтесь, затем располагайтесь, — произнесла женщина, что все это время следовала за девами.

Она указала им рукой на просторный диван, усеянный бархатными подушками всех оттенков гаммы синего, после чего покинула зал, скрывшись за полотнами больших дверей с замысловатым узором из застывшей в дереве стали.

Послышались облегченные вздохи, и девушки одна за другой принялись раздеваться. Они робко снимали с себя платья, в смущении оглядываясь друг на друга. Алана, быстро сняв с себя одежду, поспешила спрятаться в воде.

Она, стараясь не смотреть на девушек, разглядывала большие стеклянные сосуды, что стояли на каменном краю купели. Бутоны цветов внутри каждого сосуда указывали на вид масла.

Рядом с Аланой робко разместилась темноволосая девушка с белоснежной фарфоровой кожей, слегка покрытой инеем. Она трясущимися руками пыталась взять сосуд с пионом рядом с Аланой, но ей едва это удавалось.

— Тебе нужно успокоиться... — тихо сказал Алана. Она обхватила ледяные пальцы соседки, помогая той удержать тяжелый сосуд, хотя сама была встревожена не меньше.

— Все в порядке... — ответила девушка, осторожно улыбнувшись. — Я хотела стать девой... Меня с юных лет готовили к этому, просто я переживаю, что сделаю что-то не так в первую ночь, — смущенно сказала девушка.

Она говорила с такой теплотой в голосе, что Алане стало не по себе. Она вдруг осознала, что ее ожидает ночь с незнакомым мужчиной и она должна будет подчиниться всем его желаниям. От этой мысли внутри Аланы все сжалось, ведь только сейчас она наконец-то осознала, что не просто станет девой, она поняла, что станет женой во всех смыслах этого слова.

— В этом нет ничего страшного... — ответила другая девушка с огненно-рыжими кудрями. — Воины Грома славятся своим достойным отношением к женам, ведь всем известно, что честь воина Грома — это его дева...

— Они поклоняются своим женщинам, — добавила третья. — Тебе не нужно переживать... Твой воин будет терпелив и всему тебя научит.

Девушка с фарфоровой кожей облегченно выдохнула.

Алане вдруг показалось, что все эти девушки искренне желали стать девами, что она, возможно, занимает чье-то место. В отличие от них, Алана не испытывала трепета предстоящего обряда.

После омовения все неловко расположились на диване в ожидании, пока напряженную тишину не нарушило эхо шагов. Девушки встрепенулись, выпрямили спины, в глазах загорелось любопытство. Не прошло и минуты, как в дверях появилась женщина, что их встречала. Она вновь молча приподняла руку, приглашая девушек пройти за колонны.

Выйдя наружу, будущие девы оказались на заднем дворе, где брала начало тропа, которая вскоре привела их к парящему в воздухе мечу. В его основании располагался прямоугольной формы каменный пьедестал небольшой высоты. В центре пьедестала был выдолблен выступ, над которым парило острие огромного меча.

Вокруг стояли воины в плащах, их головы покрывали капюшоны. Они были безоружны, а в руке каждый держал такой же, как и на их плечах, черный плащ. Алана тут же поняла, что воины пришли сюда выбирать, выбирать для себя одну из них. Три дюжины безликих воинов окружали девушек в полупрозрачных нижних платьях. Ее глаза растерянно заматались по черным одеяниям. Дыхание участилось, она тревожно заозиралась по сторонам, пытаясь унять беспокойные мысли.

Женщина непринужденно села у пьедестала на колени. Она приподняла руки, указывая ладонями на девушек, давая воинам понять, что они могут начать процесс выбора.

Один из воинов выступил вперед и направился к девушке, что стояла рядом с Аланой.

Он снял капюшон и, накинув на плечи девушки плащ, протянул ей ладонь, на что та осторожно вложила в нее руку. Воин надел на безымянный палец девушки кольцо, после чего они подошли к пьедесталу и опустились на колени. Женщина одобрительно кивнула, и воин, засучив рукав черного кителя, вытянул под острие свою правую руку, по которой протекали стальные реки молний. Девушка вслед за воином вытянула левую руку. Женщина начала водить

пальцем по запястью воина, шепча какие-то непонятные слова, пока на запястье воина не появилась тонкая полупрозрачная нить, которая, казалось, была частью молний на его теле. Женщина бережно обернула нитью запястье девушки, связав их руки.

В тот же миг молнии вокруг каменного меча беспокойно закружились, медленно двигаясь по камню вниз. Вскоре у острия над их головами появился разряд, который тут же ударил в руки склоненной пары.

Девушка, оторопев, зажмурилась, на что женщина едва заметно улыбнулась. Нить, что связывала их руки, постепенно исчезала, а на запястье девушки показался замысловатый узор из медленно бьющихся разрядов.

Воин взял девушку за руку, и вскоре они покинули место обряда.

Женщина подняла глаза в ожидании следующей пары.

Девушек вокруг Аланы становилось все меньше, и в какой-то момент взгляд женщины застыл на ней. Она испуганно попятилась назад, но внезапно на ее плечах появился плащ, отчего она растерянно обернулась и в тот же миг почувствовала знакомый освежающий запах, запах первых капель дождя.

Перед Аланой стоял воин, который когда-то вывез ее из Котедама, воин, которого она видела на ежевичном озере.

На нее смотрели с холодным серым блеском глаза. Лицо воина имело четкие черты, оно обладало мужской, грубой красотой без капли смазливости. Лишь пухлые губы с плавными очертаниями придавали его лицу некоторую мягкость.

Воин протянул ей свою ладонь с кольцом, Алана замерла не дыша. Руки словно окаменели, а ноги стали ватными. Ее глаза заметались. Заметив это, воин решительно взял ее за руку и повел к пьедесталу, а спустя несколько минут на запястье Аланы засияли молнии.

7

Покров темных серых облаков упал на верхушки усталых елей, и лишь глядя в горизонт, сквозь стволы деревьев, можно было увидеть тонкую полосу ночного неба.

Лошадь размеренным ходом брела по узкой тропе в глубине леса. Алана отстраненно всматривалась в причудливый узор мерцающих молний на своем запястье, с трудом осознавая, что за ее спиной сидит ее муж. В груди зависла какая-то мертвая пустота, ей отчего-то казалась, что все это происходит будто не с ней, будто это всего лишь сон, от которого она никак не может очнуться, будто это всего лишь сюжет книги, которую она читала перед этим беспробудным сном.

Воин слегка касался ее спины своей грудью, отчего Алана, вырываясь из мыслей, невольно вздрагивала, испытывая не столько смущение, сколько страх оттого, что ей предстоит провести с ним ночь. Алана больше не испытывала прежней симпатии и трепета от воспоминаний событий на озере, мысли о воине не вызывали у нее прежних романтических фантазии. Сейчас сидя перед ним, Алана хотела исчезнуть, ведь она и подумать не могла, что этот незнакомец станет ее мужем, мужем девой которого становиться совсем не желала.

Вскоре они оказались на окраине леса далеко за городом, где дорога уходила в ущелье между пологими горами, утопая в его изломах. Алана с опаской поглядывала по сторонам, не понимая, куда ее везет воин.

— Что ты намерен со мной делать? — смиренно спросила она.

— Теперь ты моя дева... — ответил воин стальным голосом.

— Ты должен знать, я не желала становиться твоей девой, и будь моя воля, я бы вернулась домой.

На ее слова воин ничего не ответил, и его молчание еще больше угнетало Алану. Воин резво пришпорил лошадь, после чего она понеслась галопом.

Какое-то время они мчались в неизвестном для Аланы направлении, пока не выехали на дорогу, что проходила вдоль гор Мечей. Прямо у их подножья показалась уже знакомая мгла, кишася мертвыми душами.

Воин слез с лошади и направился к границе тумана. Алана растерянно смотрела ему в спину. Она помнила о безжалостности воинов Грома. В ее голове на мгновение поселилось подозрение, что он намеревается убить ее за то, что она не желает быть его девой, за то, что она лишь посмела думать о возвращении домой.

— Что со мной будет? — с опаской в голосе крикнула она ему вслед, сойдя с лошади. — Ты задумал убить меня? — настороженно проронила она, не решаясь подходить к воину.

Воин обернулся, но ничего не ответил.

Съедаемая страхом смерти, Алана пристально смотрела в холодные, бездонного серого цвета глаза напротив, медленно отступая назад. Воин, не отводя от нее взгляда, так же медленно сделал шаг ей навстречу, Алана тут же бросилась бежать, воин последовал за ней. Ему не составило труда ее догнать. Он схватил ее за запястье с такой дикой силой, что в глазах Аланы рассыпались искры.

— Прошу, не убивай, — молила она сквозь слезы, падая перед ним на колени, ухватившись за его руку. — Я сделаю все что пожелаешь... Только не убивай... — взревела она.

Но воин продолжал крепко держать ее за руку, волоча за собой по сырой земле в сторону безмолвной пелены, не внимая ее мольбам.

По мере их приближения туман мертвых душ рассеивался, и из плотной гущи вдруг проявился силуэт. Это была женщина с яркими серыми глазами, с волосами, как серебро, и бело-снежной кожей.

Ведьма топи, подумала Алана. Эти ведьмы обитали в тумане мертвых душ, следя за порядком в своих владениях. Они принимали душу в объятия тумана или же гнали ее прочь, обрекая на вечное существование в облики нечисти, но Алана ни за что не хотела испытать касание смерти. Она беспокойно забрыкалась, не желая мириться с предстоящей участью. Девушка начала бойко перебирать ногами по вязкой сырой земле, пытаясь отползти назад, но воин еще крепче сжал ее запястье, притянув к себе.

Ведьма, словно марионетка, повернула лицо в сторону воина и презрительно посмотрела на него.

— Ты взывал ко мне, воин? — суровым голосом спросила она.

Воин молча взял руку ведьмы и приложил ее ладонь к своей груди. Глаза ведьмы вдруг остекленели, затем судорожно задвигались. Губы зашептали какие-то непонятные слова, отчего Алана заворуженно уставилась на ведьму, не в силах оторваться от ее лица.

Воин, скрючившись, словно претерпевал удушающую боль, опустился на колени, не выпуская руки Аланы.

Вдруг ведьма резко одернула руку, снова посмотрев на воина:

— Ты уверен в своем решении? — монотонно спросила она.

— Уверен! — процедил воин стальным голосом, почти не размыкая губ.

Алана оторопела, она не понимала ничего из сказанного, все происходящее казалось каким-то кошмаром.

— Будь по-твоему, воин, — ответила ведьма, после чего потянула руку к Алане.

Как только ведьма коснулась ее плеча, по телу Аланы будто ударила молния. Она изогнулась от боли. Алана была готова упасть, но ее словно держала неведомая сила. В голове отрывками стали проноситься события жизни. Она изможденно завопила, не в силах терпеть боль, которая вновь и вновь пронзала ее тело, пока ведьма не убрала руку, после чего измученная дева рухнула на землю, а ведьма растворилась в тумане, словно ее и не было.

Едва придя в себя, опасаясь клейма безродности, Алана посмотрела на свою руку, которая была прежней, а на запястье плавным мерцанием переливались заряды. Алана не понимала, что с ней произошло. В ее голове все еще металась мысль от страха смерти, но ведьма ее не убила, и она все еще оставалась девой.

— Что она сделала? — дрожа выдавила из себя она, все еще испытывая отголоски боли. — Что это было? Она меня прокляла? Что... Что она со мной сделала?

— Это гарантия твоей безопасности, — отозвался воин, направившись к лошади.

— Что ты имеешь в виду? — Алана с трудом поднялась, сверля воина взглядом. — Что сделала со мной ведьма? — повторила она, не в силах успокоиться.

Но воин ничего не ответил. Он взял лошадь и с невозмутимым лицом подошел к Алане.

— Что все это значит? — Алана невольно подалась назад.

Воин продолжал молчать, не обращая никакого внимания на ее вопросы. Он снял с себя перевязь, на которой свисал кожаный мешок, фляга и небольшой клинок с такими же символами, что были на его мече. Пристально посмотрев на Алану, которая сбивчиво дышала от страха, воин, немного помедлив, склонился на одно колено и принялся затягивать на ней перевязь. Алана вновь отшатнулась, на что воин схватил ее и притянул ближе, пронзив ее серой сталью своих глаз.

— Что ты делаешь? — робко спросила она, осознавая, что у него нет намерения ни убивать ее, ни толкать на путь позора.

Воин все так же молча взял поводья и крепко вложил их Алане в руку.

— Теперь эта лошадь твоя, — твердо сказал он. — Следуй по дороге вдоль гор и никуда не сворачивай. Торопись...

Алана удивленно смотрела в холодные стальные глаза, с трудом осознавая, что воин дарует ей свободу.

— Неужели, это правда... — все еще не веря в происходящее, прошептала она. — Но почему? Почему ты так просто отпускаешь меня?

— Никому не говори, что ты дева Грома, — спокойно произнес он, игнорируя ее вопросы и усаживая на лошадь. — Попадешься воинам Грома, и тебя вернут обратно.

— Как твое имя, воин? — тихо спросила она, ухватившись за его руку.

Но воин ничего не ответил. Он резким движением ударил по лошади, и она тут же понеслась по ухабистой дороге вдоль болотной топи. Алана крепко схватилась за поводья. Она обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на того, кто когда-то спас ее с Брианной из Котедама, кто стал ее нареченным, кто по неведомой причине отпустил ее, хотя продолжал смотреть вслед холодным стальным взглядом.

Вскоре хмурые очертания спрятанных в глубине хвойных гор исчезли. Алана невозможно долго скакала прочь, прерываясь лишь на несколько минут вдоль какого-нибудь водоема, чтобы лошадь набралась сил. Она могла только догадываться, в какой части Алафея теперь находилась.

Горный ландшафт сменился лесами, утопающими в оранжево-красных красках осени. Землю устилал ковер сухой листвы, с которой время от времени заигрывал ветер. В этих местах уже не было вечной весны, здесь всю царствовала осень, что в очередной раз напомнило Алане о том, как далеко она от дома.

В здешних местах ей почему-то не встречалась нечисть. Лишь странные звуки, сопровождающие ее по пути, не давали забыть, что рядом таится опасность.

Алана не переставала думать, что будет делать в незнакомых землях. Все, что произошло, казалось ей невообразимым. Она никак не могла поверить, что стала девой Грома, как и не могла поверить, что воин ее отпустил, ей казалось невообразимым, что все, чего она так боялась, теперь осталось далеко позади. Она спасла сестру и теперь начнет жизнь с чистого листа.

Погрузившись в эти мысли, Алана отстраненно рассматривала мешочек, что дал ей воин. Внутри были монеты и драгоценные камни. Целое состояние. Один такой камень стоил половину ее селения. Там же она нашла и кольцо, которое воин в ночь обряда на ее безымянный палец так и не надел.

Вылитое из черной стали, оно тускло сияло фиолетовым от россыпи александритов, а в сиянии просматривались маленькие молнии. Стоило Алане разглядеть его поближе, как она увидела древние Алафеевские символы на внутренней части, такие же, как и на эфесе меча ее воина.

Алана надела кольцо на палец, и в тот же миг ее рука запарила в воздухе.

— Что за чертовщина! — выругалась она, испугавшись, и резко стянула кольцо.

Но не в силах побороть своего любопытства, Алана опять его надела.

Рука вновь запарила. Она попыталась ее опустить, но так и не смогла этого сделать, ощущая сильное сопротивление воздуха.

— Что за бесполезная вещица... — пробормотала себе под нос дева, с недовольством снимая украшение.

Алана разочарованно бросила кольцо в мешочек и поспешила отправиться в путь.

На рассвете следующего дня она добралась до пограничной заставы неизвестных ей земель. К ее удивлению, оставаться незамеченной оказалось очень просто, если у тебя есть деньги. Алана дала караульному несколько драгоценных камней, и он, недоверчиво взглянув на нее, наказал двигаться на юг до ближайшего города, и некоторое время спустя она оказалась в городе Истоков — столицы королевства Меллион.

Солнечные лучи касались луж от утреннего дождя, ослепляя прохожих. Алана выискивала сухие места, идя по улице города, о котором читала в книгах. Истоки был самым крайним в королевстве Меллиона. В его центре к небу пиками высились две башни, с которых открывался вид на бесконечные леса, уходящие в горизонт. Над ними кружили магические шипасы.

тые шары, окутанные зеленым пламенем, издававшие зловещий хохот. Они охраняли город в случае осады. Вокруг башен, наполненные суетой жизни разнообразных лавок, располагались улицы, каждая из которых замыкалась в круг.

Оказавшись на одной из них, Алану встретило множество магазинов и ремесленных. У некоторых заведений стояли женщины, по нескромному наряду и черной руке которых с легкостью угадывался род их деятельности. Тут же выступали уличные артисты, зарабатывающие на жизнь, демонстрируя всем желающим мастерство владения своей силой за один медняк. Их озорное представление нарушали лишь крики глашатаев, оповещающих всех об очередном преступнике, которого видели в границах королевства.

Люди, встречавшиеся Алане на пути, были удивительны — все они совершенно не походили на народ, что жил в Гродене. Глядя на них, она думала, что попала в какой-то другой, отличный от ее, мир.

Впереди показалось знаменитое за свой вид здание библиотеки. В здании отсутствовали двери и окна, а помещение по периметру обволакивал едва заметный слой магии, защищая библиотеку от уличного шума. За ним просматривался читальный зал, окруженный стеллажами, где книги парили в воздухе, ища свое место на полке. Полки бесконечными рядами уходили вверх, образуя само здание. Будто выложенная из множества книг библиотека раскачивалась на ветру и, казалось, вот-вот рухнет. Она также была главной типографией Меллиона, где появлялись самые популярные книги Алафея.

При всем том, что Алана многое знала об этом городе из книг, она смотрела по сторонам, не скрывая своего удивления, ведь никогда не бывала в местах, где столько чудес. По правде говоря, кроме Орфея, Котедама и Мечей, она нигде не бывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.